

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ!

СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЕ ОБОЗРѢНИЕ.

Цѣна подписанія:
На 1 годъ 6 руб.
„ $\frac{1}{2}$ года 3 „
Цѣна отдельнаго №:
въ Петербургѣ 25 к.
„ провинціи 35 „

Подписаніки получаютъ бесплатно вѣд. изд. „Пет. Вольн. Тип.“
Подпи-ка на журналъ, а также корреспонденціи и статьи принимаются у лицъ, публи-
кѣ извѣстныхъ.

Петербургъ, 4 апрѣля.

Съ тѣхъ поръ, какъ молодая русская революція почувствовала въ себѣ достаточно силы для борьбы, она избрала своимъ лозунгомъ—«въ народъ!», и, повинуясь этому призывному кличу, сотни и тысячи человѣкъ кинулись въ таинственный, безпредѣльный міръ крестьянства, безбрежнымъ океаномъ омывающимъ островки городскихъ поселеній. Много бурь пришлоось выдержать нашимъ пионерамъ въ этомъ океанѣ, много разочарованій испытали они, и многие потеряли всякую надежду встрѣтить желанную Америку въ концѣ многотрудного пути.

А между тѣмъ испытанія были далеко не безплодны и много уяснили нашу путь къ желанной цѣли. Намъ кажется, что самыя неудачи нашихъ предшественниковъ были крайне поучительны и могутъ дать намъ только новую вѣру въ успехъ революціоннаго дѣла, потому что онѣ доказываютъ самостоятельность и устойчивость народа.

Міръ крестьянства, охватывающій огромное большинство русскаго народа и составляющій поэтому главное поле дѣятельности для революціонера, не представляетъ собою чего-то безцвѣтнаго, инертнаго, на чёмъ можно было бы писать что угодно, или толкать его куда вздумается. Наше крестьянство не даромъ прожило тысячелѣтіе: оно выработало свои общественные и экономические идеалы, создало извѣстныя традиціи жизни и борьбы; оно готово идти туда, куда считаетъ нужнымъ идти, но не пойдетъ за первымъ встрѣчнымъ и не пойдетъ во имя тѣхъ идеаловъ, на желательность которыхъ не указываетъ ему его собственное чувство.

Прошли уже столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ государственно-сословный принципъ старается охватить собою и подчинить себѣ жизнь русскаго народа. Міръ крестьянскій, міръ равенства, мѣстнаго самоуправления, свободы, построенной на прочномъ базисѣ экономической независимости, какую даетъ крестьянину его право на землю,—этотъ міръ столкнулся съ государствомъ, стирающимъ личность, вводящимъ привилегію и сословность, все подчиняющимъ своему безжизненному централизму и насилию. Вся исторія была на сторонѣ государства: необходимость национальной самообороны, большая развитость, система и организація—все помогало ему одержать верхъ надъ вольнымъ мужицкимъ міромъ. Но крестьянство не уступило этой силѣ безъ бою и съ самаго начала вело съ ней упорную борьбу. Оно разрило въ широкой степени

систему эмиграціи, уклонялось фактически отъ всѣхъ цѣлей, налагаемыхъ на него государствомъ, создало вольное казачество, упорно защищало свою общину, и среди крѣпостного права создало цѣлую конституцію обычнаго права, фактически регулировавшую его отношенія къ господамъ и начальству; крестьянство противопоставило государственнымъ теоріямъ свой расколъ, доходящій въ крайнихъ сектахъ до полнаго отрицанія всего существующаго строя; оно не только словомъ, но и дѣломъ, съ топоромъ и дубиной въ рукахъ, защищало свои права, и въ моменты особенно невыносимаго гнета поднималось цѣлыми мас-сами на борьбу съ ненавистнымъ ему государствомъ. Всѣ наблюдатели нашей деревни удивляются стойкости и упорству, которыя крестьяне и понынѣ проявляютъ въ этой борьбѣ. Но они проявляются лишь тогда, когда дѣло близко сердцу мужика, когда оно для него—своё, кревное дѣло, и этотъ фактъ давно пора понять, давно пора построить на немъ всю практическую дѣятельность русскихъ революціонеровъ.

Наши революціонеры-пропагандисты сохранили въ себѣ еще слишкомъ много слѣдовъ того интеллигентнаго слоя, изъ котораго вышли. Оторванная отъ народа, воспитавшаяся на европейскихъ идеяхъ и книжкахъ, наша интелигенція слишкомъ мало знаетъ народъ и въ сущности очень мало его уважаетъ. Народъ дѣлаетъ остается все-таки грубою и невѣжественною массою, которую каждый стремится просвѣтить и облагодѣтельствовать на свой манеръ. Въ Европѣ такое отношение къ массамъ проявляется еще рѣзче, но и у насъ его достаточно. Не избавились отъ него и наши предшественники. Идея «въ народъ», они стремились «развивать» его, «создать въ немъ соціалистическую атмосферу», поднять его во имя высшихъ соціалистическихъ идеаловъ. Не говоримъ, чтобы такое направление было безусловно общимъ, но оно несомнѣнно преобладало и тѣмъ болѣе было способно дать окраску всему движению, что большая часть оставшейся половины пропагандистовъ не несла въ народѣ уже ровно ничего, а желала только изучить его въ «онародиться».

Это пропагандистское направление, разумѣется, не могло поднять народа. Крестьянинъ слушая пропагандиста, иногда даже съ сочувствіемъ, но не могъ видѣть въ немъ своего человека, не могъ въ его дѣлѣ узнать своего дѣла, а потому оставался самъ по себѣ, какъ и пропагандистъ самъ по себѣ. Къ этому присоединялось еще другое, не менѣе важное обстоятельство. Для крестьянина вопросъ о томъ, что дѣлать—

всё не представляется особенно труднымъ. Онъ знаетъ, что ему нужно, и вопросъ о какихъ бы то ни было социалистическихъ идеалахъ не имѣть для него никакого интереса. Но какъ дѣйствовать? какъ прииться за дѣло, чтобы завоевать себѣ свою землю, свою излюбленную волю, за которая онъ столько разъ безстрашно клалъ свою голову? Вотъ вопросъ. И передъ этимъ, дѣйствительно важнымъ, дѣйствительно жгучимъ вопросомъ пропагандистъ пасовалъ, потому что нельзя же считать сколько нибудь серьезнымъ отъвѣтомъ—рекомендацию дальнѣйшей пропаганды или го-дѣлъ—указаніе на бунтъ, безъ объясненія средствъ обезпечить бунту успѣхъ.

Мужикъ, съ обычной своей практичесностью, останавливался какъ разъ на томъ, о чёмъ дѣйствительно стоило подумать и подумать. И въ самомъ дѣль, борьба крестьянства съ государствомъ, несмотря на замѣчательную устойчивость мужика, въ общей сложности далеко не была успѣшна. Шагъ за шагомъ ему приходилось уступать свои позиции. Все плотнѣе и плотнѣе съорганизовывалось государство и все крѣпче охватывало мужика, который послѣ каждого новаго пораженія становился все менѣе способнымъ къ сопротивленію. Мыслимо ли оно тѣперь? — мужику есть надѣль чѣмъ задуматься. А между тѣмъ, именно на этомъ пунктѣ, революціонная интелигенція могла бы прийти на помощь. Для нея, охватывающей своей критикой самый принципъ государства и знакомой со всѣми фазисами его исторического развитія, не трудно понять секретъ его успѣха въ борьбѣ съ крестьянствомъ, не трудно понять, чего именно недостаетъ крестьянству. Мужикъ боролся безъ общаго плана, безъ системы, каждая деревня дѣйствовала за себя; противникъ же его былъ сплоченъ въ хорошо организованную армію, имѣлъ агентовъ во всѣхъ уголкахъ крестьянского міра, зналъ все, что въ немъ дѣлается, и самъ дѣйствовалъ по точно-намѣченному плану, характеръ котораго остается неизмѣннымъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Понятно, что при такихъ условіяхъ немудрено было государству побивать раздробленныя и разобщенные силы крестьянства. И мужикъ до того привыкъ къ безпрерывнымъ пораженіямъ, такъ мало надѣется на свои силы, что въ большинствѣ случаевъ, если и рѣшается еще на протестъ, то лишь благодаря вѣрѣ въ существование какой-то таинственной благожелательной ему силы — царя, который поможетъ ему выбраться изъ его ужаснаго положенія и защититъ отъ всѣхъ враговъ. Революціонная пропаганда отнимаетъ отъ него и эту единственную надежду, не давая взамѣнъ ничего. А между тѣмъ наблюдалъ въ крестьянской средѣ не разъ приходилось видѣть, въ какое страшное уныніе и безнадежность погружается крестьянинъ, когда поступки лицъ царской фамиліи дискредитируютъ въ его глазахъ царя. Единственная надежда исчезаетъ у мужика, и ему кажется, что для него уже нѣгдѣ искать спасенія.

Такое положеніе вещей намѣщаетъ дѣятельность революціонеровъ самымъ яснымъ образомъ. Намъ незавѣтъ особенно заботиться о выработкѣ идеаловъ будущаго строя, потому что въ исконныхъ желаніяхъ русского народа мы уже имѣемъ очень солидный фундаментъ для постройки общественного порядка, неиз-

мѣримо высшаго, чѣмъ нынѣ-существующій. Крестьянское міровоззрѣніе обезпечиваетъ личность не только экономически, полное мѣстное самоуправление, достигающее высшаго развитія въ федеративномъ казачествѣ, свобода совѣсти и слова, понимаемыя несравненно глубже и шире, чѣмъ въ такъ называемыхъ образованныхъ слояхъ, — все это составляетъ крайне важные элементы будущаго мужицкаго строя. Конечно, онъ не будетъ составлять послѣдняго слова человѣческаго развитія, но вѣдь и мы не послѣдніе революціонеры — будутъ у насъ и преемники и продолжатели. А въ настоящее время мы находимся вовсе не въ такомъ положеніи, чтобы могли мечтать о высшихъ идеалахъ. Страшная сила государства давитъ народъ не только вѣнчанимъ образомъ: обирая его, превращая въ какую-то рабочую скотину, держа его въ голодѣ, холодѣ и безвыходной нищетѣ, оно уродуетъ его даже въ расовомъ отношеніи; оно ставить его въ необходимость всѣхъ своихъ помышленій обращать на добываніе гроша денегъ и куска хлѣба, жертвуя при этомъ и своимъ достоинствомъ и нравственными понятіями; оно охолопливаетъ его обезземеливаніемъ, зависимостью, г҃ѣчнымъ давленіемъ всевозможнаго начальства, военной и школьнай дисциплиной, — оно разращаетъ народъ тысячию средствъ, одно другого страшнѣе и безобразнѣе. И пока мы будемъ размышлять о высшемъ развитіи и конечныхъ идеалахъ — народъ можетъ быть доведенъ до такого состоянія, что его ужъ не подымешь никакими способами. Нѣтъ, намъ нужны не идеалы, намъ нужно въ самомъ скорѣшемъ времени, пока еще не поздно, разбить эту ужасную государственную машину и поставить на ея место общественный строй, хотя бы и не идеальный, но все же обезпечивающій народу возможность дальнѣйшаго развитія. Малый прогрессъ все же лучше большого регресса. Мы, русскіе, счастливы, что въ существующихъ народныхъ возврѣніяхъ находимъ всѣ элементы для очень сноснаго общественного строя, и потому вся наша задача сводится только на реализованіе его, т. е. мы просто присоединяемся къ всѣковой народной борьбѣ и стараѣмся обезпечить ей на этотъ разъ успѣшный исходъ.

Сравнивая громадныя силы народа съ государственными, мы очень хорошо видимъ, что борьба не представляла бы никакихъ трудностей, если бы ей со стороны народа придать систематичность и организованность. Къ достижению этого и сводится ближайшая практическая дѣятельность революціонера. Прежде всего необходимо популяризировать себя въ народѣ, какъ силу не только дѣйствующую въ его интересахъ, но и обладающую достаточными средствами, чтобы постоять за себя и за него. Слѣдуетъ поставить революціонную партію въ глазахъ крестьянина на то мѣсто, какое занимаетъ у него его мифическій царь. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ какъ можно больше разшевеливать крестьянина, возбуждать его къ протесту, пріучать къ борьбѣ и дружному дѣйствию, и это необходимо не только само по себѣ, но еще, между прочимъ, и потому, что въ эти моменты общественного возбужденія крестьянинъ дѣлается особенно восприимчивъ къ революціонной пропагандѣ и критикѣ. Намъ кажется, что пропаганда, только идя обѣ-

руку съ такимъ фактическимъ протестомъ и получить дѣйствительно серьезное значеніе.

Эта ближайшай, подготовительная такъ сказать, работа требуетъ, чтобы революціонеръ въ народѣ становился мірскимъ человѣкомъ, мірскимъ радѣтелемъ, агитаторомъ на почвѣ всѣхъ крестьянскихъ интересовъ. Крестьяне желаютъ отстоять себѣ пользованіе тѣмъ или другимъ клочкомъ земли, лѣсомъ, покосомъ, они желаютъ избавиться отъ черезъ чуръ безсовѣстнаго становового или урядника, желаютъ отерочить платѣжъ повинностей—всѣ эти и тысячи подобныхъ мелкихъ интересовъ, для крестьянина являющихся настоятельно жгучими, должны быть близки и революціонеру. Онъ постоянно долженъ находиться въ первыхъ рядахъ. Этимъ онъ зарекомендовываетъ себя и даетъ крестьянамъ практику борьбы, и намѣщаетъ между ними наиболѣе революціонныхъ, протестующихъ личностей.

Но, оставаясь народнымъ агитаторомъ въ крупномъ и мелкомъ, въ важномъ и неважномъ, революціонеръ не долженъ черезъ чуръ съуживаться. Онъ агитаторъ не только потому, что имѣетъ ближайшія цѣли борьбы въ видѣ разныхъ мелкихъ крестьянскихъ интересовъ; онъ агитаторъ главнымъ образомъ потому, что революція составляетъ его конкретную цѣль, которую онъ желаетъ осуществить при первой возможности. Въ этомъ смыслѣ для него нужна болѣе яркая, бунтовская дѣятельность. Здѣсь, какъ и во всемъ, онъ долженъ первый подать народу примѣръ того, что и какъ можно сдѣлать.

Каждый изъ настъ хорошо понимаетъ, что рано или поздно—и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше—народу придется силой добывать себѣ землю и волю, силой сбросить съ себя эксплуататоровъ всѣхъ сортовъ. Революціонеръ—агитаторъ дѣйствуетъ, именно имѣя это въ виду, а потому и дѣятельность его давно ужъ должна бы принять характеръ чисто боевой. Мы не говоримъ, конечно, чтобы всѣ революціонеры въ народѣ поголовно вооружались. Нѣтъ; но этотъ боевой элементъ долженъ занять свое мѣсто въ дѣятельности партіи, ибо отсутствіе его лицаетъ эту дѣятельность решительно всякаго смысла.

Начнемъ хоть съ агитациі. Безспорно, этотъ путь самый практический, самый цѣлесообразный изъ всѣхъ, какіе только перепробованы до сихъ поръ. Но очень часто, и даже въ большинствѣ случаевъ, протестъ крестьянъ не можетъ увѣнчаться успѣхомъ; очень часто онъ имѣетъ своимъ результатомъ поголовную порку, драгонады, продажу и разореніе имуществъ, ссылки и т. п. Спрашивается, въ какое положеніе тогда становится агитаторъ, вызвавшій своимъ подстрекательствомъ всѣ эти послѣдствія? Если онъ допустить безнаказанно подобную расправу—онъ погубить свое дѣло; крестьянинъ отвернется отъ него, какъ отъ нового источника несчастія для себя, и, окончательно обезкураженный, погрузится въ полную апатію. Совершенно другой оборотъ получаетъ дѣло, если революціонеры имѣютъ возможность хоть не отстоять крестьянъ, такъ по крайней мѣрѣ отомстить наиболѣе виновнымъ въ погромѣ. Возьмемъ, напр., такой случай. Деревня навлекла на себя «вмѣшательство вооруженной команды». Нѣтъ возможности за-

щитить крестьянъ. Но наиболѣесосѣднихъ боевыхъ бандъ успѣваютъ соединиться, выбрать подходящее мѣсто и время, напасть гдѣ-нибудь въ лѣсу на возвращающіяся съ побѣды отряды, попытаться отбить у него арестованныхъ крестьянъ и т. п. Тутъ уже впечатлѣніе разгрома совершенно уничтожается, и остается одно утѣшительное сознаніе: «ну, однако, и имъ порядкомъ жару задали». Или, напр., революціонерамъ удастся убить виновнаго въ погромѣ станового, исправника, помѣщика, измѣнившаго крестьянскаго старшину и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ разгромъ никакъ не ошеломитъ крестьянъ, и революціонная агитация выйдетъ изъ борьбы съ незапятнанной честью и съ новымъ довѣріемъ со стороны крестьянъ.

Точно также въ революціонной агитаторской дѣятельности встрѣчается множество случаевъ, гдѣ вмѣшательство вооруженной силы неизбѣжно. Что дѣлать съ неисправимыми, упорными помѣщиками, урядниками, становыми? Революціонерамъ постоянно придется или сознаваться въ полномъ бессилии помочь народу, или устранять эксплуататоровъ, отомстить обидчикамъ и т. п.—вооруженной рукой.

Такимъ образомъ, вся дѣятельность въ народѣ можетъ или имѣть огромное значеніе, или лишиться всякаго смысла, смотрѣ по тому, какъ будетъ обусловлено дѣло боевой организаціи. Но послѣдняя получаетъ еще болѣе важное значеніе, когда мы обратимся къ главной, существенной цѣли революціи—къ всенародному восстанію и ниспроверженію современнаго государственного строя. Мы указывали уже, что для этого крестьянству нужна прежде всего вѣра въ революціонныя средства, нужна увѣренность въ существованіе силы, на которую можно было бы разсчитывать, какъ на первую точку опоры. Значитъ, эта сила должна себя заявить и популяризировать, именно какъ военная, боевая сила. Мы говорили также не разъ, что всякая пропаганда должна быть поддержанна фактами, примѣромъ, дѣломъ, и это особенно имѣеть значеніе въ такомъ рискованномъ, опасномъ дѣлѣ, какъ восстаніе. Проповѣдуя восстаніе, революціонная партія должна первая поднять его знамя. Организуя вооруженные банды, мы фактически осуществляемъ революцію, противопоставляемъ силѣ силу и даемъ народу лучший образчикъ способа дѣйствій.

Составляя необходимую опору для современной революціонной работы, банды, вмѣстѣ съ тѣмъ, образовали бы первые кадры революціонной арміи. Пополняясь и непрерывно возрастаю отъ прилива наиболѣе энергичныхъ бунтовскихъ личностей изъ среды самого народа, онѣ съ течениемъ времени дали бы намъ по разнымъ концамъ Россіи нескольки десятковъ или сотенъ отрядовъ, сформированныхъ изъ людей, привыкшихъ ко всевозможнымъ опасностямъ, на все готовыхъ и связанныхъ между собою общую центральную организаціей. Понятно, какую огромную роль они могли бы сыграть въ моментъ восстанія: все недовольное сокнуклось бы около нихъ, и дальнѣйшій ходъ революціи могъ бы пріобрѣсти стройность и систематичность операций привычной арміи.

Насколько все это возможно? Конечно, намъ ста-нуть указывать на разные исторические законы и т. п. Прекрасно. Но исторические законы проявлять свою

силу и безъ нашего попечения, а мы будемъ пока дѣлать, что можемъ и что тоже считаемъ нужнымъ. Начиная дѣло, будемъ стараться вести его по возможности основательнѣе и шире, а выйдетъ ли оно такъ стройно и гладко, какъ рисуется въ теоріи, или только приблизительно къ этому—зависитъ, конечно, отъ обстоятельствъ, и разсуждать объ этомъ въ настоящее время совершенно бесполезно.

Возможность сформировать такія банды сдѣлали можетъ возбуждать сомнѣніе. Мадзини вооружалъ такимъ образомъ по 7.000 человѣкъ: это цѣлая армія! Нѣть также основанія думать, чтобы силы правительственної организаціи совершенно отняли у нихъ возможность дѣйствовать: примѣръ городскихъ террористовъ въ этомъ отношеніи очень поучителенъ. На дѣлѣ мы видимъ, что организація подобной боевой силы въ деревняхъ совершенно необходима. — Всѣхъ этихъ соображеній болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы признать это дѣло стоящимъ наочери.

Мы останавливаемся на этой сторонѣ революціонной дѣятельности до ея чрезвычайной важности, но, конечно, организація не исчерпывается однимъ боевымъ элементомъ. Революціонная партія должна искать опоры среди всѣхъ протестующихъ элементовъ народа, должна вовлекать ихъ въ движение и дѣлать съ ними союзниками. Въ этомъ отношеніи особенно цѣнными являются крайнія секты раскола, казачество и т. п. Понятно, что они не должны быть упущенны изъ виду.

Мы не входимъ въ детали того рода дѣятельности, который предлагаемъ нашимъ товарищамъ, потому что эти подробности могутъ быть скомбинированы очень разнообразно; а между тѣмъ, по отсутствію критической повѣрки, въ настоящее время нельзя еще рекомендовать однѣ комбинаціи предпочтительнѣе чѣрезъ другими, такъ что разсужденія объ этомъ предметѣ не представили бы никакихъ выгодъ, открывавшихъ неудобство разглашать планъ дѣйствій. Полагаемъ, что излишне толковать также о необходимости центральной связи между мѣстными революціонными группами: она слишкомъ ясна сама по себѣ, такъ какъ стройность и единство дѣйствій безъ неї немыслимы. Частныя формы этой организаціи не могутъ составлять предметъ публичного обсужденія. Но мы надѣемся, что намѣченныя нами общія основанія практической дѣятельности придали бы партіи такую устойчивость, такую силу, о которой теперь трудно себѣ составить даже представленіе. Оставимъ же безплодное витаніе въ высшихъ областяхъ идеаловъ, будемъ практичны, будемъ энергичны—и пусть зиама Земли и Воли останется собою соединенная армія крестьянъ и революціонной интелигенціи на страхъ всѣмъ эксплуататорамъ и вѣковымъ врагамъ народа!

ФЕЛЬБЕТОНЪ

ПРОТЕСТУЮЩИЕ ТИПЫ НАРОДА.

Прошли времена массового народного протеста, времена понизо-
ни и гайдамаки на Руси,—но не потому, что народъ
примирится съ существующимъ строемъ: измѣнились условия его жиз-
ни, а потому и форма его протesta должна была измѣниться. При-
чина, что въ современныхъ культурныхъ условіяхъ Россіи, при сильномъ ея ми-

штаризмѣ, народный протестъ не можетъ принять того характера, какой онъ имѣлъ въ прошлыхъ столѣтіяхъ. Но протестъ этотъ не прекратился. Въ религіозныхъ рационалистическихъ сектахъ, въ разболѣхъ, поспящихъ на себѣ иногда явно тенденціозный характеръ, наконецъ въ движеніяхъ чисто экономическихъ онъ продолжаетъ выражаться и въ настоящее время. Искра не потухла: до времени она лишь гасла подъ стѣрой золы.

Среди этихъ разнообразныхъ протестующихъ элементовъ находятся личности, которыхъ, конечно, не будутъ занесены на страницы истории, какъ народные мыслители и герои, но которыхъ такъ реалистично выдаются изъ народной среды своимъ умомъ и характеромъ, которыхъ, наконецъ, такъ прекрасно выражаютъ собою духъ народного протеста, что онъ вполнѣ заслуживаетъ остановить на себѣ наше вниманіе. Нѣкоторые изъ такихъ типовъ, которые намъ удалось узнать лично, мы и намѣрены изобразить читателю.

I.

СЕКТАНТЪ МЫСЛИТЕЛЬ.

Въ одномъ заходѣ въ южной Россіи познакомился я съ нѣсколькими сектантами. Къ одному изъ нихъ, Борису, обратился я однажды съ вопросомъ: какимъ образомъ онъ сдѣлался штундистомъ? Въ отвѣтъ на это, онъ приспалъ мнѣ длинное письмо, где, какъ онъ сказалъ, я найду то, что мнѣ нужно. Письмо это, написанное довольно правильнымъ и даже поэтическимъ языкомъ, начиналось

„Я былъ боленъ однѣй тяжкой болѣзнью—постоянно спалъ; проснувшись было и опять сплю; сплю днемъ, сплю ночью. Однажды, проснувшись въ лѣсу, где я постоянно жилъ, я почувствовалъ необыкновенную жажду. Долго не находилъ я въ лѣсу никакого истощника. Но вотъ увидѣлъ я ручей, до того густо обросший кустарникомъ, что не было возможности добраться до воды. Напрасно блуждалъ я по берегу—нигдѣ не было видно прогалины. Тогда мнѣ пришла мысль самому прочистить проходъ къ водѣ. Приложивъ большую усилия, мнѣ удалось это сдѣлать. Утоливъ жажду, я почувствовалъ себя совершенно инымъ человѣкомъ: болѣзнь моя прошла, и моя удивительная мысль зародилась въ моей головѣ. Я уже не могъ оставаться дольше въ своемъ лѣсу: меня тянуло куда-то вдали. Долго бродилъ я по густому и темному лѣсу, наполненному дикими зѣбрами, и нигдѣ не мѣлъ найти себѣ покоя. Вдругъ я увидѣлъ великолѣпный садъ, окруженный высокой оградой, сквозь которую вились прекрасные прѣты и фруктовыя деревья. Чудное пѣніе птицъ доносилось изъ глубины его. Быстрыми шагами направился я къ воротамъ, но здѣсь дикіе зѣбри загородили мнѣ путь. Они съ яростью кинулись на меня, изранили меня и чуть было совсѣмъ не лишили жизни. Однако, мнѣ удалось вырваться отъ нихъ и скрыться во внутренности сада. Другие же люди, слабые и неѣштѣльные, тоже хотѣли войти въ садъ, либо дѣлались жертвами дикихъ зѣбровъ, либо прогонялись ими прочь отъ сада.“

Далѣе рассказывалось про обитателей чуднаго сада, которые оказались такими же прекрасными, какъ и мѣсто, въ которомъ они жили. „Вы спрашивали меня, какимъ образомъ я сдѣлался штундистомъ. Теперь отвѣтьте мнѣ, какъ я пѣмъ сдѣлался“—такъ закончилъ Борисъ свое повѣствованіе.

Не трудно было, конечно, понять аллегорію сего письма. Простымъ языкомъ—онъ писалъ, какъ, подобно всѣмъ крестьянамъ, былъ забытъ, нечестивъ и не чувствовалъ даже потребности выйти изъ этого состоянія (болѣзнь соціальности). Его, можетъ быть, случайно, озарила мысль, что не все должно быть такимъ, каково оно въ дѣйствительности. Тогда его охватило сильное желаніе объяснить себѣ все окружающее—узнать птицу (жажду). Единственнымъ источникомъ, къ которому онъ могъ обратиться, были, конечно, священные книги (рученія). Но онъ не сразу дѣлается. Только послѣ многихъ трудовъ и стараній онъ позналъ изъ нихъ птицу (уточнилъ свою жажду). Тогда онъ увидѣлъ всю несправедливость окружающей его жизни; онъ понялъ причину нищеты и невѣжества своихъ собратій. Оставаться въ нихъ средѣ стало для него невыносимымъ: ему захотѣлось увидѣть людей, по-общихъ себѣ. Онъ сталъ искать и набрѣлъ на штундистское село (садъ). Но начальство и духовенство (дикіе зѣбри), препятствуя распространенію секты, не допускаютъ къ штундистамъ „братьевъ“, приходящихъ изъ другихъ мѣстностей, хватаютъ ихъ и подвергаютъ всякимъ лишеніямъ и наказаніямъ, чтобы удержать ихъ въ православіи. Послѣ побоевъ и торments, малоумиши и робкіе снова возвращаются въ православіе; онъ же, несмотря на всѣ страданія, остался твердъ и вступилъ въ семью штундистовъ.

Прочитавъ мое объясненіе аллегоріи, штундисты остались очень доволены. Борисъ же, встрѣтивъ меня, сказалъ: „Словно въ душу мою вѣзли, такъ вѣрою растоптали вы мое писаніе“.

Послѣ этого я ближе познакомился съ Борисомъ. Признаться, въ первое время я не понималъ его: мнѣ казалось, что онъ обыкновенный крестьянинъ, помѣщанинъ не изъ православныхъ, а изъ штундистскихъ предрасудкахъ и суевѣрияхъ. Но сойдясь съ нимъ, понявъ смыслъ его словъ, я былъ пораженъ: предо мной стоялъ не сектантъ-начетчикъ, а философъ-рационалистъ, обладавшій замѣча-

тельнымъ и своеобразнымъ умомъ. Ему недостаетъ только литературоведческой терминологии, чтобы стать вполнѣ интеллигентнымъ человѣкомъ. Онъ выражалъ свои мысли общепринятой христіанской терминологией, но подъ нею скрывались убѣждѣнія, иначе не отличающіяся отъ нашихъ.

Человѣкъ созданъ по образу и подобию Божію», говорилъ Борисъ. Услыхавши это, я конечно подумалъ, что, по его мнѣнію, Богъ имѣетъ человѣческий образъ и живетъ на небесахъ. Но оказалось совсѣмъ не то: «Бога, какъ человѣка, никогда не было», разсуждалъ Борисъ; «Богъ — это олицетвореніе всѣхъ лучшихъ качествъ; онъ — добро, правда, справедливость. Людимъ же отчасти присущи эти качества. Богъ почему въ библіи и сказано, что человѣкъ созданъ по образу и подобию Божію.»

Борисъ убѣждѣнъ, что въ священномъ писаніи нетъ ни одной строчки, ни одного стиха, которые можно было бы понимать въ буквальномъ смыслѣ.

Весь міръ, по его мнѣнію, отъ самого своего возникновенія представляется упорную вражду, двухъ враждебныхъ началь: съ одной стороны — добро, справедливость, выражаящіяся въ библіи понятиями: Богъ, Ісусъ; съ другой — зло, пороки, ложь, обозначающіяся словами: дьяволъ, лукавый. Проще говоря: съ древнійшихъ временъ являлись правдивые и самотверженные люди, стремившіеся винить добрыя и благородныя, стремленіе — «вѣру въ Бога» — и другимъ людямъ. Противъ нихъ поднимались гоненія, злые брали верхъ — «вопарилось царство дьявола», и этихъ правдивыхъ людей истребляли. То были пророки. «И мы съ вами — пророки», говоривъ онъ мнѣніемъ.

По предсказанию такихъ людей, пророковъ, «Дана родить сына и нарекутъ ему имя Эммануилъ, еже есть, сказаю — съ нами Богъ». Это значитъ, что въ средѣ иѣконочного народа («дѣла Марії») восторжествуетъ слѣть, слово истины и добра, и распространится по всему миру. Вотъ кто Христосъ, Эммануилъ. Но чудѣлье — испытаніе, глухихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, — «слово, свѣтъ истины» — Христосъ въ прямомъ смыслѣ дѣлать не могъ. Эти излеченія относятся къ духовнымъ, а не къ тѣлеснымъ недостаткамъ людей: когда глухому къ страданіямъ ближняго винуть «вѣру въ Бога», онъ, естественно, перестаетъ быть глухимъ. Тоже и относительно слѣпыхъ, хромыхъ и пр.

«Души умершихъ людей живутъ въ послѣ смерти», утверждалъ Борисъ. «Когда добродѣтельныя и правдивыя люди умираютъ, то воспоминаніе о нихъ и обоихъ добрыхъ дѣяніяхъ остаются въ памяти другихъ и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе».

Таковы, въ немногихъ словахъ, религіозныя воззрѣнія Бориса. Однажды, изложивъ письменно свою бесѣду съ однімъ знакомымъ чиновникомъ, Борисъ попросилъ меня прочесть ее. Оказалось, что чиновникъ развидалъ ему, конечно сбивчиво и перетолкованно, теорію Дарвина, а также утверждалъ, что Іисусъ не былъ сыномъ Божіимъ, но существовалъ, какъ человѣкъ. Съ послѣднимъ Борисъ никакъ не хотѣлъ согласиться. Письмо свое онъ заканчивалъ такъ: «не забѣть чтобы испытать вѣру въ религію, прону я вѣсъ отвѣтъ: правду ли говорить чиновникъ? Я хочу только увидѣть, можно ли священными книгами подтвердить то, до чего люди дошли наукой?»

Изложивъ вкратцѣ ученіе Дарвина, я въ письмѣ подтвердилъ, что п. по моему Іисусъ, какъ человѣкъ, вѣроятно, существовалъ. Съ послѣднимъ Борисъ никакъ не соглашался, все твердя, что Іисусъ — это свѣтъ, слово истины, распространявшіеся въ средѣ цѣлаго народа, а не отдѣльный человѣкъ.

«Такого человѣка, который бы назывался Іисусомъ, никогда не было, съ азартомъ говорилъ онъ; не такъ нужно понимать священные книги!»

Ученіе же Дарвина онъ скоро понялъ, усвоилъ и даже сталъ находитъ подтвержденія ему въ библіи.

Штуцидсты знали, что я — соціалистъ, но только въ смутныхъ чертакахъ понималъ, что-такое соціализмъ. Поэтому, не ограничиваясь устными бесѣдами при встрѣчахъ и видѣ страсти ихъ къ «писаніямъ», я изложилъ имъ на бумагѣ, каковы наши идеалы и каковы способы борьбы, ведущие, по нашему мнѣнію, къ скорѣйшему ихъ осуществленію. Тутъ-же я развидалъ паралельно взглядъ ихъ, итундистовъ, на борьбу и показалъ, въ чемъ сходство и различіе между ними и нами, соціалистами. «Вы, писалъ я, придаете слишкомъ большое, даже исключительное значеніе борьбѣ путемъ слова, да и то лишь противъ одного изъ золъ существующаго порядка, т. е. противъ православія и духовенства. Мы же, хотя видимъ и въ этомъ зле, но зле менѣе важное. Главное, по нашему — ищета и неравенство правъ людей, отъ чего уже происходятъ и суеты, и неизѣмѣство. Да и бороться мы считаемъ нужнымъ не однѣмъ толькъ словомъ, а еще больше прымѣромъ, потому что дѣло сильнѣе слова.»

Раньше Борису, какъ и всѣмъ штуцидстамъ, казалось, что православіе — самое большое зло современаго строя, что, не будь его, не было бы ни ищеты, ни неизѣмѣства народа. Но, быстро усвоивъ наши идеи, онъ самъ началъ развивать ихъ, причемъ, по обыкновенію, мысли свои подкрѣплялъ цитатами изъ священныхъ книгъ. Въ какомъ-то пророчествѣ, напр., сказано: «и сдѣлится Левіафанъ съ дракономъ, тѣль что съвѣтъ ихъ и вода не просочится». — «Это пророчество, говорилъ Борисъ, относится къ правительству и духовенству, которыхъ, сплотившихъ, помогаютъ другъ другу держать на-

роль въ такой тѣмнотѣ, что къ нѣму не можетъ добраться светъ истины.»

Всѣмъ намъ, занимавшимся пропагандой въ средѣ народа, часто приводили евангельский текстъ: «воздайте кесарево — кесарю, а божіе — богу». Конечно, кесарево — кесарю, а божіе — богу, заявлялъ также и Борисъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что нашіхъ царей должно почитать, а тѣль чѣмъ платить имъ подати и налоги. Богъ, это вѣль — добро, справедливость: ему слѣдуетъ воздавать тѣль же, т. е. справедливостью и добромъ. Кесарь — «помазаникъ божій», значитъ — такой человѣкъ, который обладаетъ самыми большими бѣличествомъ божественныхъ качествъ. Такимъ кесарю, «помазанику», мы, конечно, должны воздавать самое большее уваженіе и почтѣніе. Но настоящіе цари «берутъ свое качество», какъ онъ выражалъ, не отъ бога, а отъ дьявола. Поэтому, не говори уже о податяхъ, мы не должны имъ уважать ихъ, ни поклоняться имъ.»

Въ открытую борьбу съ современнымъ строемъ вѣль «просвѣтнѣшіе», всѣ штуцидсты, должны будутъ вступить тогда, когда лѣтъ будетъ много и можно будетъ разсчитывать на успехъ.

— «Кто этого не сдѣлаетъ, горячасъ воскликнулъ Борисъ, тому я докажу, что онъ — отъ дьявола!»

Всѣ сектанты вообще, а штуцидсты въ особенности, проповѣдуютъ смиреніе: «подставь лѣтку щеку, когда тебя узарятъ въ правую». Борисъ такого смиренія вовсе не раздѣлялъ, а потому, когда онъ услышалъ отъ меня о кровавой расправѣ соціалистовъ съ иѣконочными изъ своихъ налачей и преслѣдователей, то онъ былъ очень доволенъ и, какъ всегда, подкрѣплялъ одобрение текстомъ изъ библіи: «Дерево, приносящее дурной плодъ, нужно срубать и бросать въ огонь».

Какъ извѣстно, штуцидсты отрицаютъ малъїнія удовольствія: иѣніе, куреніе и пр. Борисъ смылся надъ всѣмъ этими. — «Дурно дѣлать то, что вредитъ другимъ людямъ», говорилъ онъ. Вообще, онъ никогда не склоненъ впадать въ доктринерство и педантізмъ.

Таковъ штуцидѣтъ Борисъ. Не изучениемъ естественныхъ и соціальныхъ наукъ, не знакомствомъ съ интеллигентціей, — исключительно размышеніями надъ вопросами жизни и надъ священными канонами приобрѣтъ онъ свое цѣльное, своеобразное міросозерцаніе. Въ якую новую мысль, новую теорію онъ быстро схватывалъ и разинкалъ далѣ. Борисъ — атеистъ, поэтъ, мыслитель изъ народа, теоретикъ-революціонеръ. Среди раціоналистическихъ сектъ, единственно дающихъ какое-нибудь удовлетвореніе умственнымъ потребностямъ народа, такие типы должны быть нерѣдкостью. Магъ быть можетъ, случилось встрѣтить еще не наиболѣе яркій изъ нихъ.

Л***

* * *

(посвящается подсудимымъ процесса 50.)

Смолкли честные, доблестно павшіе;

Смолкли ихъ голоса одинокіе,

За несчастный народъ вспіявшіе...

Но разнуданы страсти жестокія!..

Вихорь злобы и бѣшенства носится

Надъ тобою, страна безотвѣтная!

Все живое, все честное косится...

Слышишь только, о ночь безразвѣтная,

Среди мрака тобою разлитаго,

Какъ враги торжествуя скликаются...

Такъ на трупѣ великанъ убитаго

Кровожадныя птицы слетаются,

Ядовиты гады сползаются!...

ОДЕССА ВО ВРЕМЯ СУДА НАДЪ КОВАЛЬСКИМЪ.

(Статья вторая.) **)

Заливъ солдатъ и казачьи кони, направленные въ толпу (мы уже не говоримъ о дѣствіяхъ прикладами), сдѣлали свое дѣло: Погребицкій и Полтавскій были убиты наполовину. Перваго пуща ударилъ въ грудь, втораго въ правое плечо навылетъ. Погребицкій кромѣ того раненъ былъ конемъ въ лѣтвую часть груди. Достопрѣбно известно, что убитыхъ было только двое, а о раненыхъ, какъ въ жертвахъ казацкой расправы, свѣдѣнія очень неопредѣлены по той простой причинѣ, что обнародованіе самаго факта повело бы къ измѣненному аресту...^{*)}

Убитые немедленно были убраны заботливыми жандармами.

^{*)} Иль некізданыхъ стихотвореній Н. А. Некрасова.

^{**) См. № 2 «Земля и Воля».}

облитые кровью тротуары на утро 25 июля были тщательно вытерты. Забыли только и по сие время изгладить видимые следы пуль на стенах противоположныхъ мѣсту бойни домовъ.

Какъ мы уже упомянули прежде, залпы изъ солдатскихъ ружей разсыпали безоружную трехъ-тысячную толпу. Страшный, потрясающій крикъ: „солдаты стрѣляются!!!“^{*)}, крикъ, подхваченный сотнями голосами, неудержимо пронесся изъ конца въ конецъ Гулевой улицы, повторяясь съ новою силой по всему пути отступленій толпы.

Къ 10^{1/2} часамъ-ночи водворилась полная тишина во всемъ районѣ, прилегающемъ къ суду. Въ 11-мъ часу небольшая группа свидѣтелей убийства на Гулевой пришла къ Бульвару и вслѣду разнесла извѣстіе о столкновеніи. Гулевая публика нѣсколько встрепенулась, прислушивалась къ повсемѣстнымъ разговорамъ. Мало по мѣру образовалась значительная кучка, среди которой молодая девушки излагала въ истинномъ смыслѣ происшедшія события... Изъ публики отѣмѣлся артиллерійскій офицеръ графъ Сиверсъ и схватилъ девушки за руку. Въ первый моментъ она опѣшила и машинально пошла за Сиверсомъ; но прида въ себя она подняла руку — и Сиверсъ получилъ звонкую пощечину.*)

Графъ Сиверсъ схватилъ девушки за волосы, но публика отѣмѣла ее. Въ ту же минуту послышался конскій топотъ — и съ двухъ сторонъ явились конные казаки и жандармы. Группы разсыпались... По указанію Сиверса полиція схватила девушки и повезла ее въ въ тюрьму по Екатерининской, Театральному переулку и Итальянской улицѣ. Здѣсь, возлѣ самой квартиры Левашева **), публика снова отѣмѣла девушки, и она скрылась; черезъ нѣсколько дней полиція однако удалось арестовать ее и она оказалась дочерью аптекаря, Гуковской. Во все время беспорядковъ 24 июля не было ни одного ареста.

Наступило 25-ое июля. Все одесское населеніе отъ мала до велика было встревожено ночными событиями на Гулевой улицѣ.

Съ раннаго утра большая толпа тѣснилась у конторъ газетъ, въ ожиданіи выхода номера, въ которомъ жаждущіе надѣялись найти хотя сколько нибудь правдивый отчетъ о столкновеніи между войсками и соціалистами. Но горькое разочарованіе не замедлило заступить мѣсто самыхъ скромныхъ ожиданій. Въ отчетахъ о демонстраціи на Гулевой улицѣ всѣ события были извращены самыми бессовѣтными образомъ. Всѣ газеты, наперерѣдъ одна передъ другой, непрерывали событий въ угоду цензорамъ, получивши нощью предписание „объ устраненіи изъ печати всего, что можетъ компрометировать власти“. Не нашлось ни одной газеты, которая бы рѣшилась сказать хоть одно правдивое слово, — ложь отъ начала до конца украшала описание демонстраціи. Застрѣльщикомъ въ этомъ сплетеніи лежалъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказались „Вѣдомости Одесского Градоначальства“.

Погребальный домикъ на кладбищѣ, въ которомъ находились убитые, весь день 25-го июля окружены былъ городовыми для воспрепятствованія публики входа; родственники также не были допущены, а похороны происходили подъ покровомъ ночи, даже безъ соблюденія соответственныхъ обрядовъ.

На сѣѧющей день правительство рѣшилось открыть неслыханную и невиданную облаву: хватали на улицахъ, площадяхъ, въ трактирахъ, пивныхъ, гостиницахъ, вокзалахъ, пароходахъ — словомъ всюду, куда только можетъ проникнуть человѣческая нога.

Разгуль сициковъ и шпиона не имѣлъ себѣ подобного во всей исторіи преслѣдований послѣднаго времени. По городу днемъ и почкою разѣзжали конные патрули, на площадяхъ и въ участкахъ расположены были части войскъ. Жандармы по указанію шпиона лѣтили съ раннаго утра до поздняго вечера. Паника властей достигла апогея: градоначальникъ и Кнопъ разѣзжали изъ сопровожденія конвоя; пристава вооружились револьверами; главною командующей завѣя у себя на квартирѣ удвоенный караулъ. Когда было назначено чтеніе приговора въ окончательной формѣ, съ раннаго утра по всѣмъ кварталамъ, прилегающимъ къ зданію суда, разставляемы были жандармы и городовые, по двое черезъ три шага. Прокаженную публику совсѣмъ не допускали даже останавливаться. Замѣчательно, что на судѣ при чтеніи окончательнаго приговора не было ни одного частнаго лица...^{**}

^{*)} Васлуживаєтъ вниманія слѣдующее обстоятельство, имѣвшее мѣсто на другой день послѣ получения Сиверсомъ пощечины. Семенка (главноком. войск. од. воен. окр.) пригласилъ Сиверса на обѣдъ, выразивъ такимъ образомъ собѣзнаніе запятнайшой физіономіи своего подчиненнаго. Офицеръ, узнавъ объ этомъ, единогласно предложилъ Сиверсу подать въ отставку, не желая терпѣть въ своей средѣ шпиона.

^{**) Bывшій одесский градоначальникъ.}

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ

Спи, малютка, спи, мой милый;

Баюшки баю!

Набирай здоровыя, силу,

Укрѣпляй свою!

Много силы будетъ надо

Для тебя въ бою...;

Спи-жъ пока, моя отрада,

Баюшки баю!

Мы давно один съ тобою:

Умеръ твой отецъ!

Молодецъ онъ былъ собою,

Честный былъ боецъ.

Былъ въ немъ крѣпокъ духъ свободы,

Было много силъ;

Да вдали, въ странѣ холодной,

Кости онъ сложилъ.

Я его не покидала,

Съ нимъ въ Сибирь пошла;

Въ честь невзгоды утѣшала,

Тотъ же крестъ несла.

Помню, какъ тебя, бывало,

На руки онъ бралъ:

На лицѣ любовь сіяла,

Цѣпи забывалъ.

На тебя глядѣть, смѣется:

«Весь въ отца пойдетъ»;

Мое сердце вдругъ сожмется

И слеза блеснетъ...

А тебѣ и горя мало:

Цѣпью зазвенишь

И такъ весело, бывало,

На отца глядишь.

Бодръ онъ былъ, не опускалъ,

Да здоровъемъ плохъ:

Годъ до срока оставался,

Но... дожить не смогъ.

Спи теперь ты безмятежно!

Будешь подростать,—

Надо будетъ незбѣжно

Въ жизни путь избрать.

Кто пойдетъ однимъ, тотъ будеъ

Силенъ и богатъ;

Скорѣ въ роскоши забудеть,

Какъ страдаетъ братъ.

Нѣть, не имъ пойдешь ты, мнѣ

Знаю я, что нѣть...

Не на то тебя родила

Я на божій свѣтъ.

Есть другой путь... Чудныхъ мнѣ

Онъ минутъ даетъ;

Но трудна по немъ дорога,

И въ рудникъ сведетъ.

Неподъжно это—знаю...

Но ведь мать и я...
Стану думать—и рыдаю,
Глядя на тебя...

Знаю, знаю; сердце чутко!

Много слез пролью...
Спи-жь покуда, мой малютка,
Баюшки баю!

М. М.

ФОЛУБИ.

Голуби по двору ходят, воркуютъ
Сизой артелью своей;
Все подозрительно какъ-то толкуютъ,
Быстро летять отъ людей.

Часто гурбою громадной слетаются
Мирно ко мнѣ подъ окно;
Цѣлой коммуною дружно питаются,
Дѣлать по братски зерно.

Видно вліянье идей растлывающихъ
Въ бѣдной семье голубей,—
Мыслей, основы основъ подрывающихъ,
Соціализма идеи...

Гдѣ у нихъ, личность отъ злыхъ ограждающей,
Мудрой полиціи глазъ?
Гдѣ у нихъ кормчій, ихъ жизнь направляющей—
Этотъ порядка компасъ?

Здѣсь анархизма примѣръ замѣчается—
Страшный примѣръ для людей!..
Браки свободны — никто не вѣнчается,
Нѣть ни поповъ, ни церквей.

Голуби сизые, пташечки бѣдны!
Развращены вы совсѣмъ!
Кѣмъ же идеи-то эти зловредны
Къ вамъ прививаются? Кѣмъ?

Скажутъ—природой... Для благъ человѣчества
Выскажу мнѣнья свое:
Если природа враждебна отечству—
Выселять подальше ее!

II. II.—VI.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ.

I.

Конфиденциально.

М. Н. II.

Канцелярія Испечи-
теля Сиб. Уч. Окр.
13 Мая 1877 г.

№ 3475.

Съ Высочайшаго Государа императора со-
изволеніемъ, Г. Министру Народнаго Просвѣ-
щенія въ циркулярѣ отъ 24 мая 1875 г. при-
глашалъ Учебно-Окружнаго Начальства, а рав-
но и всѣхъ начальствующихъ и учащихъ въ учебныхъ заведеніяхъ,
къ дружному и неустранному противодѣйствію антиправительствен-
ной пропагандѣ, въ послѣднее время обращавшей въ свое орудіе
даже неопытное учащееся юношество.

«Нынѣ», уведомляетъ Его Сиятельство, «и съ прискорбиемъ изѣ-
стася по одному изъ учебныхъ округовъ о слухѣ, вновь подтвер-
ждаемою объясненіемъ печальною линіею и состоящемъ въ томъ,
что воспитанники закрытаго воспитательного учебнаго заведенія,
какою-то приготовленіе учителей, по поступлениіи на учите-
льское мѣсто, оказались сиракузами заподозреніи прокурор-
скимъ надзоромъ въ сочиненіи антиправительственнымъ идеямъ и
распространеніи ихъ, и изъ настоящей времіи находятся подъ аре-
рестомъ. Случай этотъ болѣе прискорбенъ, что при большей зор-
кости ближайшаго начальства и руководителей того заведенія, изъ

котораго вышелъ сказанный учитель, — эти начальства и руководи-
тели могли усмотрѣть въ поведеніи его проводы, неоставляющіеъ како-
го сомнѣнія въ необходимости особенно тщательнаго наблюде-
нія за нимъ.»

Вслѣдствіе сего г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложе-
ніемъ отъ 16-го минувшаго апраля за № 61, просятъ менѣ принять
неотложныя зависящія мѣры, чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ вѣ-
реннаго мнѣ округа, особенно тѣхъ изъ нихъ, которымъ готовить
учителей для низшихъ училищъ, ближайшіе начальники и руководи-
тели юношества, не относились лишь формально къ своимъ обязанно-
стямъ по наблюденію за ними, прислагали всѣ старанія къ изученію
характеровъ и направлению избѣренныхъ ихъ поинченію учениковъ,
обращая сердзное вниманіе не только на успѣхи, прилежаніе и
вишнюю благородъчность ихъ поведенія, но и на умственное и
иравнственное ихъ развитіе; изъ случаѣ же, если бы было въ учеб-
ныхъ заведеніяхъ округа заподозрѣно по какимъ бы то ни было по-
водамъ политическая благонадежность некоторыхъ изъ учащихся
молодыхъ людей, а тѣмъ болѣе явно обнаружена, то таковые, хотя
бы были до того отличного поведенія, отличныхъ дарованій и успѣ-
ховъ въ наукахъ, немедленно должны быть удалены изъ заведеній,
съ доведеніемъ обѣ-этому, на общемъ основаніи, до свѣдѣній Ми-
нистерства Народнаго Просвѣщенія.

О таковомъ предложеніи г. Министра Народнаго Просвѣщенія
имѣю честь уведомить Вашъ Милостивыя Государи, для свѣдѣнія и
надлежащаго съ Вашей стороны руководства и исполненія.

Почтительный (подпись неразборчива).
За правителя канцеляріи Ф. Алексеевъ.

II.

СЕКРЕТНО.

М. Н. II.

С.П.Б. УЧЕБНАГО
ОКРУГА

КАНЦЕЛАРИЯ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
4 ПОЛЯ 1877 Г.
№ 4164.

Г-ну Директору ..., ской Семинаріи.

Циркулярнымъ предложеніемъ г. Министра
Народнаго Просвѣщенія отъ 16-го минувшаго
апраля за № 61, поручено было сдѣлать по
подвѣдомственнымъ мнѣ учебнымъ заведеніямъ
распоряженіе удаляти изъ онѣхъ всяко вос-
питанника, какъ только будетъ замѣчено въ
уклоненіи, на путь неправильныхъ мыслей и
политическихъ возврѣній, не стѣняясь успѣха-
ми и ученинъ и вицѣнчемъ поведенія.

Мѣра эта вызвана была обстоятельствами, указанными въ помя-
нутомъ выше циркуляромъ предложеніи графа Толстого. Касаясь
учебныхъ заведеній вообще и преимущественно учительскихъ семи-
нарій и институтовъ, — мѣра эта, по обстоятельствамъ времени, хот-
я и неизбѣжна и должна подлежать несомнительному исполненію,
но съ другой стороны, говоря строго, она и устранима при наяде-
жащемся употребленіи всѣхъ данихъ къ тому средству, особенно
въ заведеніяхъ, приготовляющихъ учителей для образования народа
и составляющихъ на сей разъ исключительный предметъ настоюща-
го сообщенія.

Въ данныхъ инструкціяхъ для учительскихъ семинарій и въ от-
дельныхъ распоряженіяхъ твердо опредѣлено высокое прізвание за-
веденій этого рода въ виду того, что воспитанникамъ онѣхъ впо-
слѣдствіи будетъ порученъ одинъ изъ самыx существенныхъ фак-
торовъ жизни государства, именно народное образование. Соотвѣ-
тственно съ такимъ прізваніемъ учительскихъ семинарій, въ тѣхъ
же инструкціяхъ г. Министръ Нар. Пр. призываѣтъ и не престаетъ
призываѣтъ гг. Директоровъ учительскихъ семинарій, независимо отъ
учебныхъ ихъ заботъ, лично, какъ можно подробнѣе, виникатъ во
всѣ вопросы, касающіеся характера и поведенія воспитанниковъ,
хорошо знать способности и направлѣніе каждого изъ нихъ, взы-
мая свою обращеніемъ полную откровенность во всемъ со стороны
воспитанниковъ. Его Сиятельство вмѣнья также и продолжаетъ
вмѣнть въ смиренную обязанность Оо. законоучителемъ учитель-
скихъ семинарій, чтобы ихъ вмѣніе, исходя изъ житія религіоз-
наго источника и основываясь на любви и довѣрїи воспитанниковъ
къ своему духовному отцу, проникало жизнъ учениковъ и проявля-
лось добрыми результатами въ ихъ деятельности. Съ этимъ цѣлью
Его Сиятельствомъ, между прочимъ, рекомендовано было Оо. зако-
ноучителемъ не премѣнно посѣщать учениковъ въ вицѣклассное вре-
мя, такъ какъ по существу прямыхъ обязанностей законоучителей,
по ихъ близкимъ духовно-родственнымъ отношеніямъ къ воспитан-
никамъ, всякие софты законоучителей, вразумленія, вѣщанія и
утѣшения должны производить благотворное вліяніе на будущихъ
учителей народныхъ училищъ. Съ тою же цѣлью Оо. законоучители
приглашаютъ руководить воспитанниками въ чтеніи книгъ религіоз-
но-иравнственного содержанія, дабы воспитанники, вносядѣстіи, на
должности народныхъ учителей, сами могли руководить чтеніемъ
своихъ учениковъ и даже хѣстнаго грамматичнаго сельскаго населенія.

Равнымъ образомъ предложено было, чтобы и каждый преподава-
тель учатъ семинаріи преслѣдовалъ не одну цѣль — только обучать
учениковъ своимъ предметамъ, но, въ мѣру предоставленныхъ правъ
и обязанностей, и воспитывать своихъ учениковъ, т. е. все-
дѣло заботиться о развитіи въ нихъ всѣхъ тѣхъ добрыхъ умствъ.

ныхъ и нравственныхъ качествъ и навыковъ, которые необходимы для будущаго учителя въ народномъ училищѣ. При этомъ, независимо отъ указанныхъ въ свое время ежедневныхъ учебныхъ и воспитательныхъ обязанностей гг. преподавателей, обращено пхъ внимание на то, чтобы они, въ праздничные дни, во время свободное отъ церковныхъ службъ, устраивали для воспитанниковъ семинарий общія чтенія, занятия пѣсмъ, прогулки и другіе подходящія занятія, всегда имѣя въ виду, что, по изречению съяненной мудрости, злые бесѣды растѣняютъ благие общія. Указана была при этомъ и другая частность, имѣющая особое значение въ наши дни, именно, чтобы книги для чтенія ученикамъ учительскихъ семинарий были избираемы и даваемы непремѣнно гг. преподавателями и чтобы ученіе этихъ книгъ было прощеюю потому посредствомъ бесѣдъ рекомендовавшаго съ читавшими ученикомъ.

Давъ эти и многія другія, болѣе частныя указанія, во всей полнотѣ опредѣляющія характеръ и степень влиянія каждого члена педагогической корпораціи учит. семинарий, гр. Толстой оставался въ убѣждѣніи и продолжаетъ думать, что онъ не возможенъ ни на одного изъ нихъ времени не по силамъ. Составъ учащихся въ учит. семинарияхъ, сравнительно съ другими учебными заведеніями, слишкомъ невеликъ, чтобы затруднить зоркость наблюденія и энергию заботливости. Среда по преимуществу крестьянская, изъ которой многіе уже начинаютъ поступать въ учит. семинарии, по милости Божией, еще твердо стоятъ въ страхѣ Божиемъ, и надѣются этой среды, сравнительно съ другими учебными заведеніями, сколько можно, легче трудиться и воспитательно усѣживать. Мѣстности, въ которыхъ расположены многія учит. семинарии, большую частью удалены отъ шумной развлекающей жизни, и въ тѣсныхъ кружкахъ населенія каждый невольно знаетъ другого и даже видѣтъ его жизнь.

При такихъ условіяхъ и достаточномъ материальномъ обезпеченіи каждого изъ гг. служащихъ въ учит. семинарияхъ, трудъ исполненія данныхъ г. Министромъ предначертаній въ отношеніи всесѣлая достиженія высокихъ цѣлей учрежденія учит. семинарий, по его глубокому убѣждѣнію, не можетъ превысить силъ возможностей лицъ, привыкшихъ на себя отвѣтственное служеніе этимъ цѣлямъ. Его Сіятельство не сомнѣвается, что гг. служащіе въ учит. семинарияхъ знаютъ, за что они взялись и неуклонно исполняютъ все Его Сіятельства и основанныя на нихъ мои указанія. Графъ Толстой желалъ только, по обстоятельствамъ времени, настающими сообщеніемъ вызвать вновь всѣхъ и каждого изъ учащихся въ святомъ дѣлѣ приготовленіи народныхъ учителей къ усиленной, въ предѣлахъ предоставленныхъ правъ и обязанностей, нравственно воспитательной дѣятельности, основанной не на чувствѣ только официального долга, но и на сердечномъ влечении къ плодотворному выполненію его. При этомъ важномъ во всякомъ дѣлѣ условіи, трудно, даже невозможно проникнуть въ среду учительскихъ семинарий какому-либо противоречію, безнравственному или антиправительственному ученію, а тѣмъ болѣе привинуться тамъ. При томъ же условіи изъ нашихъ учительскихъ семинарий не престанутъ выходить чистыни и благодарные вѣрноподанные слуги Всемилостивѣшаго нашего Государя Императора, Державнымъ щедротамъ коего исключительно обязаны своимъ возникновеніемъ и существованіемъ разсадники народного образования, такъ быстро размножившіеся въ нашемъ обширномъ отечествѣ и даже въ отдаленныхъ предѣлахъ его.

Г. Министръ проситъ меня не оставлять сообщить эти мысли, желанія и надежды совѣтамъ подвѣдомственныхъ мнѣ учительскихъ семинарий, и, кроме того, изъ виду предстоящихъ пріемныхъ посыпаний въ учительскихъ семинарияхъ, соблюдать крайнюю осторожность въ времѣ вновь поступающихъ учениковъ, строго исполняя требованія § 21 данной Его Сіятельствомъ учительскимъ семинариямъ инструкціи, не ограничивающейся при пріеѣ официальнымъ свидѣтельствомъ о доброй нравственности желающаго поступить, но обращать вниманіе на рекомендаціи инспекторовъ народныхъ училищъ, народныхъ учителей, членовъ училищныхъ совѣтъ, священниковъ и вообще таилъ лицъ, отзывъ которыхъ можетъ имѣть значеніе. Подобная коррекція должны имѣть место особенно въ отношеніи къ поступающимъ изъ другихъ сословій, если бы настояла надобность комилекционировать курсы не изъ крестьянской только среды.

О выше изложенномъ, всѣдѣстіе предложенія г. Министра Народного Просвѣщенія отъ 14 сего мая за № 84, имѣю честь сообщить Вашъ, Милостивый Государь, для надлежащаго руководства и непремѣнного исполненія по вѣренію Вашъ заведенію.

Почетному (подпись неразборчива)
За правителя канцелярии Ф. АЛЕКСѢЕВЪ.

III.

Совершенно секретно.

Г. ГУБЕРНАТОРАМЪ.

М. В. Д.

Департаментъ пози-
тии исполнительной.

Отдѣленіе I-ое.

Столъ I-ый.

20 сентября 1878 г.

№ 118

Министерство черезъ гг. Губернаторовъ о разрѣшеніи пользоваться содержаніемъ телеграммъ, адресованныхъ заподозрѣннымъ лицамъ или ими посыпаемыхъ.

Во внутреннихъ политическихъ событияхъ, находя, что дѣла преслѣдований пропаганды представляютъ еще большую государственную важность, чѣмъ дѣла упомянутыя въ циркулярѣ № 102, я, согласно отношению п. д. Главнаго Начальника III Отдѣленія собственной Е. И. В. канцелярии, признаю возможнымъ права, предоставленныя циркуляромъ за № 102 полиціи, распространить и на чиновниковъ корпуса жандармовъ, производящихъ дознанія по политическимъ преступленіямъ, съ тѣмъ, чтобы они свою ходатайства представили въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ черезъ мѣстныхъ Губернаторовъ и чтобы съ послѣднѣе, по полученіи таковыхъ ходатайствъ, немедленно приступали къ удовлетворенію оныхъ, порядкомъ, указаннымъ въ циркулярѣ за № 102.

О выше изложенномъ имѣю честь уведомить гг. Губернаторовъ для завишающихъ распоряженій.

Подпись: М. В. Д. Генераль-адъютантъ Тимашевъ
Скрѣпка: Директоръ Косоговский.

ПО ПОВОДУ ГАЗЕТНЫХЪ СТАТЕЙ.

18 марта.

Опять взбудоражило русское общество, опять проснулось. Не долго ли только? — Всѣ газеты подъ вліяніемъ факта покушенія на убийство одного изъ безчеловѣчнѣшихъ людей въ одинъ голосъ зѣлья: "нужно что-то дѣлать..." Но что дѣлать — никому неизвѣстно. Ни одна газета ясно и определенно не нарисовала картины той дѣятельности, которая престоитъ печати и обществу, на которую эта печать, будто бы, опирается. Соціалисты-революціонеры опять застали ихъ врасплохъ. Благодарить бы тебѣ, русское общество этихъ революціонеровъ, что они будутъ тебя, а не ругать, какъ это дѣлаетъ твоя печать. Честно-ли ругать тѣхъ, которые знаютъ, что дѣлать, дѣлаютъ? — спрашиваю я тебя, общество, "не знающе откуда ты идешь", по словамъ твоего профессора.

Да, дѣйствительно ты не знаешь, что дѣлать, — это показали передовая статья, вызванная покушеніемъ на убийство Дрентельна, и откровенный всѣхъ признался въ этомъ "Новое Время" въ своей передовой статьѣ. Но вѣдь эта газета и есть по преимуществу тво газета, твое зеркало, русское общество.

"Что же наконецъ дѣлать?" — говорить она. Какъ выйти изъ тогъ странного и страшного положенія, въ которомъ мы находимся такъ долго? Что это за положеніе? Выяснило оно или нетъ; знаемъ мы все то, что на насъ окружаетъ; знаемъ ли то, что исцѣляетъ общество, что даетъ правильный ростъ ему?"

Прочитавши цѣлый рядъ этихъ вопросовъ, невольно навязывается мысль дать такой софтъ: спроси обо всемъ этомъ у ближайшаго околодочнаго; самому тебѣ, несчастнаго писака, никогда не разрѣшить этихъ вопросовъ. Положеніе твое очень горькое, и нужно думать, что изъ очень непроложительномъ времени начальство дастъ тебѣ на эти вопросы ясный и определенный отвѣтъ, и ты перестанешь беспокойти свою голову столъ неблагодарными задачами, ты откажешься отъ того, что на дѣлахъ говоришь, и согласишься, что не невозможно, а можно и должно "жить спустя рукава".

И опять непрошенный "соціалистъ-реформаторъ" будетъ говорить и дѣлать, не смотря на то, что онъ запятнанъ себя убийствами, въ кѣмъ-то прошеннѣи писателей, умолкната опять, пока не нарушатъ вашего покойного сна ваши враги — революціонеры.

Только враги ли они оттого, что беспокоятъ ваши головы не-привычными для васъ вопросами? Что они вамъ сдѣлали? Развѣ — что "Нов. Вр.", подъ впечатлѣніемъ послѣднаго покушенія, могло сказать въ своей передовѣцѣ: "Печать — сила, говорящая громко — она можетъ рассуждать, можетъ подавать советъ, но она у насъ не тѣль поставлена..."

Оказывается, что вѣсъ, гг. журналисты, революціонеры наталкиваютъ на прекрасныя мысли! За что же вы ихъ ругаете? Развѣ за то, что они вамъ доказали, что негодованіемъ и проклятіемъ людей, которые за собою ничего другого не имѣютъ, ихъ не пробѣрѣть. Что они вѣсъ могутъ только презирать и ставить ниже всякаго шефа жандармовъ, съ которыми они считаютъ нужнымъ бороться тѣмъ оружиемъ, которымъ его можно доконать. А съ вами, господа, позвольте узнать, какъ бороться? У васъ пѣть такого оружія, которое вы могли бы противопоставить нашему. Негодовать же на вѣсъ и проклинать вѣсъ совершило не стоитъ, такъ какъ мы давно уже знаемъ, что эти вещи сами по себѣ доказываютъ только безсиліе.

Подъ впечатлѣніемъ послѣдніхъ событий, "Нов. Вр." додумалось до того, что русское общество живеть въ какомъ-то хаосѣ. Что же, это правда. Благодарите же революціонеровъ, что они хоть такими крайними мѣрами вѣснину въ ваши головы представление о томъ хаосѣ, въ которомъ вы пребываете. Еще рядъ такихъ мѣръ со стороны революціонеровъ — и вы, быть можетъ, разберетесь въ вашемъ хаосѣ...

Опять, неблагодарные, вѣсъ сѣдѣуетъ только благодарить революціонеровъ да просить правительство, чтобы оно выдумывало для

иных еще боят тяжких меры, ибо члены тягостные будут меры его, члены чаще и чаще будут повторяться случаи, подобные прошествию 13-го марта.

Впрочем, нужно с вами объясниться поговорить, так как мы уверены, что вы ни просите, ни требовать чего-либо от правительства не посмеете,—вы не изъяли таких, чтобы можно было предложить у вас подобное нахальство. Мы хотели сказать вот что. Наша цель—не охота за медведями в томъ лесу, въ которомъ вы, культурные обыватели, имеете свои логовища. Наша цель, какъ это не разъ уже мы говорили въ нашемъ органѣ—земля и воля для народа. И если мы теперь предпринимаемъ экскурсию въ ваши непроницаемыя трущобы, то только потому, что ваши медведи не даютъ намъ возможности съ большими усилиями завоевать положение въ народѣ. Они унесли изъ нашего лагеря тысячи борцовъ за народное дѣло, и вотъ почему мы охотимся на властей. Таково печальное положеніе всякой революционной партии, что ей приходится расходовать свои силы на такія дѣла, которыхъ не имѣютъ никакого отношенія къ непосредственнымъ цѣлямъ; въ особенности этого необходимо для русской соціально-революционной партии, ибо только ея члены—граждане въ полномъ смыслѣ, а кругомъ ея—все обыватели. Что это вѣрно, такъ это слѣдуетъ изъ того, что настъ считаются разбойниками и злодѣями за то, что мы вынуждены были грубой и дерзкой силѣ противостоять книжаламъ и револьверамъ. Мы разбойники потому, что защищаемъ свою жизнь и притомъ не для себя, а для того дѣла, которое мы считаемъ святымъ.

Повѣрьте же, гг. обыватели, что ни възьмутъ ругательства, ни пытали шефа жандармовъ, котораго "Голосъ" рекомендуетъ, какъ гражданина, честно исполняющаго свой долгъ, — начнемъ не поговорить. Знайте, что мы будемъ бороться всѣми способами, пока мы живемъ! И будемъ это делать, конечно, для своихъ цѣлей, членъ больше, что наши газеты, подъ впечатлѣніемъ соѣднѣй революционной борьбы, между массой ченухи, говорятъ иногда и довольно умно мысли. Вотъ, напр., "Голосъ"; если вѣрить ему, собирается даже что-то (конечно умное) говорить чутъ ли не каждый день, такъ какъ онъ узнаетъ оѣ революционеровъ, что слово—очень важная вещь. Онь говоритъ: "изъ подпольныхъ мѣръ, выпускающихъ свои листки, знаютъ цѣну печатного слова и пользуются имъ. Отчего же и наль не вести съ ними борьбу разными оружиями? Мало того: намъ нужно помѣниться ролью съ революционерами: намъ нужно говорить много и часто; такъ много и такъ часто, чтобы подпольная изданія не появлялись бы болѣе и не смущали бы настъ своимъ громбоннымъ голосомъ." Если бы это было, мы могли бы отвѣтить "Голосу" малорусской пословицей: "Дай, Боже, нашему телѣгопиону вонка зѣти", а теперь пока ничего не скажемъ.

ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Преслѣдованіе соціаль-демократовъ въ Германіи продолжается, хотя, можетъ быть, и не съ тѣмъ уже рвениемъ, какое доблестные боргеры обнаружили въ первое время по изданію октавианского закона. Какъ и настъ, это преслѣдованіе обращается не только противъ тѣхъ, которые находятся на свободѣ; гнусная траля продолжается даже въ стѣнахъ тюрьмы, выражаясь во множествѣ стѣнныхъ, совершенно ненужныхъ судебныхъ точекъ зѣнія. Такъ, напр., всѣмъ "политическимъ" арестантамъ въ Плещеевъ запрещено теперь читать какія-бы то ни было газеты, кроме "Имперскаго Указателя".

Преслѣдуемые у себя на родинѣ, соціаль-демократы не падаютъ, однако, духомъ и продолжаютъ свое дѣло путемъ устной пропаганды и нелегальной печати. Нѣкоторые изъ видныхъ представителей, какъ напр. Мостъ, переселились въ Лондонъ, где, какъ известно, давно уже существуетъ германскій рабочій союзъ. Какъ въ Лондонѣ, такъ и въ самой Германіи выходятъ довольно значительное количество листковъ и газетъ, "украшающихъ" (по выражению Моста) именами тѣхъ, кто болѣе всѣхъ потрудился для распространения соціалистическихъ идей"; такъ, одна газета называется "Тессендорфъ" (генераль-прокуроръ, почти то же, что начальникъ III От.), другая—"Эйленбургъ" (министръ внутреннихъ дѣлъ). третья—"Бисмаркъ". Эти газеты распространяются очень сильно, члену, конечно, немало содѣствуетъ и популярность ихъ заглавий. Съ 18 марта въ Лондонѣ выходить, поѣд редакцію Эргардта, германскія соціалистическая газета "Коммуна".

Достопамятный день 18 марта лондонскіе соціалисты—англичане, французы, немцы, поляки и русскіе—отпраздновали торжественнымъ митингомъ, на которомъ присутствовало болѣе 400 чл., въ томъ числѣ около 30 женщинъ. Мостъ посвятилъ длинную рѣчь воспоминаніемъ о Коммунѣ 71 г. и о германской революціи 48 г. "Защитники принциповъ этой революціи, сказали они, оказали великия заслуги на пользу свободы, гуманности и цивилизациі, и всякий честный человѣкъ обязанъ, по мѣрѣ силъ своихъ, содѣствовать достиженію этой великой цѣли, къ которой стремились эти люди и къ которой они завѣщали потомству. Германія воспользовалась уроками 48 г., создавъ соціально-демократическую партию. Настъ обвиняютъ въ стремлѣніи разрушить весь существующій строй огнемъ и ме-

чемъ, и благочестивыя боргеры серезно вѣрятъ тому, что соціалисты—разбойники, добивающіеся только возможности безнаказанно грабить, рѣзать и осуществлять идею "свободной любви" въ наиболѣе пининской формѣ. На такія обвиненія отвѣтить не стоитъ, потому, что всякий добросоѣтный человѣкъ, знакомый съ тѣмъ, что мы проповѣдѣмъ, не изъ усть полисейскаго агента, а по литературнымъ фактамъ, понимаетъ всю неизмѣнность и тупоуміе этихъ инвективъ. Говорить, что мы желаемъ доставить побѣду нашему дѣлу путемъ цареубийства; нѣтъ, не царской кровью, будетъ одержана эта побѣда; какъ и въ всѣхъ побѣдахъ человѣчества надъ темными и злобными силами, она будетъ одержана кровью мучениковъ за истину, не отступающихъ въ борьбѣ, не смотря ни на какія преграды; такъ побѣдилъ Галілея, такъ побѣдили бойцы 89 и 48 гг.; такая же побѣда суждена и тому великому дѣлу, котораго первыми боевыми пионерами были участники Парижской Коммуны". Восторженную рѣчу свою Мостъ закончилъ предложеніемъ—выразить сочувствіе всѣмъ работающимъ въ духѣ соціализма. Это предложеніе было принято единогласно.

—Парижская газета "Миръ" сообщаєтъ (въ корреспонденціи изъ Петербурга отъ 8 марта н. с.) спѣшную свѣдѣнія о неудовольствіяхъ между царемъ и наслѣдникомъ—сыномъ, за поизнанную достовѣрность которыхъ мы, разумѣется, не можемъ ручаться.

"4 марта (н. с.) наследникъ получилъ официальную бумагу о назначении его предсѣдателемъ "Всероссийскаго Комитета Общественного спасенія" (?). Это узвило его, такъ какъ онъ за нѣсколько дней прямо высказалъ ся противъ учрежденія такого комитета; потому, получивъ эту бумагу, наследникъ тогда же покѣхалъ въ Зимний дворецъ для объясненій; но тамъ его не принялъ, и потому онъ официальной же бумагой уведомилъ царя, что рѣшительно отказывается отъ предсѣдательства въ комитетѣ. Въ тотъ же вечеръ онъ получилъ отвѣтъ, послѣ чего немедленно отправился въ Зимний дворецъ въ сопровожденіи ген.-адъютанта Шереметьева. Послѣ полутора часовъ бесѣдъ съ отцомъ, наследникъ вышелъ изъ кабинета блѣдый, изможданный и безъ сабли, и направился въ свой дворецъ, откуда съ тѣхъ поръ не выходилъ. О чёмъ они говорили—этого, конечно, никто не слышалъ, тѣмъ бѣже, что царь самъ затворилъ двери кабинета, удаливъ предварительно изъ сосѣднихъ комнатъ всѣхъ своихъ адъютантовъ. Говорятъ, что наследникъ сильно былъ вѣдомъ симптомами ионаго паралича, принятаго руской вѣнѣнной политической, а именно: 1) потой, отравленной кѣдомъ двору, въ которой этому послѣднему рекомендовалась скромность по отношению къ Германіи; 2) подобной же потой, адресованной на имя герцога Бумберланскаго (говоють, что по поподѣ этихъ потъ наследникъ заѣтилъ: "скоро, кажется, настъ заставятъ чистить пѣнцамъ сапоги"); 3) переговорами съ Англіей; 4) охлажденіемъ отношений къ Сѣв.-Амер. Соед. Штатамъ и 5) починеніемъ русской политики нѣмѣцкимъ требованіемъ. Кроме того рассказываютъ, что наследникъ представлялъ царю проектъ конституціи, въ которой его величество изволилъ собственоручно начертать: "Прощу этими глупостями меня не беспокоить". Дѣло о комитетѣ было, должно быть, посѣдней каплей, переполнившей чашу."

БІОГРАФІЧЕСКАЯ СВѢДѢНІЯ ОБЪ ОЛІВІЕ И' МОНКУСІ.

По невѣдѣмъ или преднамѣренно, русскія газеты сообщали неточная, а иногда и вымышленная извѣстія о виновникахъ покушенія на жизнь короля Альфонса. Поэтому мы считаемъ нелишнимъ сообщить нѣсколько біографическихъ данныхъ объ этомъ борцѣ противъ политического идолопоклонства, занимавшемъ ихъ изъ испанскихъ источниковъ.

Ханъ Рамонъ Оліва II Монкусі родился въ маленькомъ городкѣ Кабра, въ провинціи Тарагонѣ, 15 ноября 1855 г. Родители его—мелкие собственники, сами обрабатывающіе свой участокъ. Это простые и добрые католики, вѣрные сыны церкви, пользующіеся добромъ словомъ въ своемъ околодѣ. Кромѣ Хуана Ромона они имѣютъ еще 4-хъ дочерей и одного сына. Послѣдній, старший, занимается торговлей въ Тарагонѣ.

Когда Хуанъ исполнился 10 лѣтъ, отецъ и старший братъ рѣшились дать ему общее образование и съ этой цѣлью мальчикъ былъ зачисленъ въ сентябрѣ 1867 г. въ лицей, на латино-испанское отдѣленіе, но скоро перешелъ на математическое.

По словамъ газетъ, сообщающихъ эти свѣдѣнія, въ школѣ Хуанъ отличался соредоточенностью и независимымъ, неуступчивымъ характеромъ. Но при этомъ не надо упускать изъ виду, что подобны характеристики очень скоро формулируются газетами о выдающихся личностяхъ на основаніи—самыхъ поверхностныхъ, ничего не говорящихъ фактовъ. Вообще всѣ свѣдѣнія о внутренней жизни и характерѣ Монкусі чрезвычайно скучны и отрывочны. Извѣстно, что онъ оставилъ школу вслѣдствіе какаго-то стечения обстоятельствъ и, не дѣля новыхъ попытокъ къ продолженію школьнаго образования, поступилъ ученикомъ въ мастерскую скуальтора. Вскорѣ послѣ этого мы видимъ его уже наборщикомъ въ типографіи. Покинувъ добровольно и это занятіе, молодой человѣкъ превратился въ бочара.

10

Такая смина занятій является знаменательным фактомъ, могу-
щимъ дать некоторый ключъ къ объяснению послѣдующей дѣятель-
ности Монеуси. Смина залипочныхъ и уважаемыхъ родителей, Ху-
анъ, очевидно, не изъ-за куска хлѣба, перемѣнилъ постоянно про-
фессии: ясно, что и въ это время у него уже бродили разныя мы-
сли о нескладицахъ современной жизни. Онъ, очевидно, пробуя раз-
ныя профессии, искалъ для этой дѣятельности выхода, сообразнаго
своимъ наклонностямъ и убѣжденіямъ.

Переходъ отъ хорошо омѣчивающаго въ Испаніи типографскаго ремесла къ бочарству сильно напоминаетъ родное намъ стремленіеъ народа. Это сближеніе тѣмъ болѣеѣ ярко, что среди испанскихъ социалистовъ подобное стремленіе имѣть не малое число представителей. Укажемъ, напримѣръ, хоть бы на умершаго въ прошломъ году Альвареса, бывшаго предводителя неудавшейся рабочей инсуррекціи въ Алькоѣ.

Во время занятія бондарнымъ ремесломъ Монкуси сопѣхся съ юной молодой особой, отъ которой имѣлъ ребенка.

Послѣдній періодъ жизни Монкунисъ былъ полонъ трудовъ, непрѣятностей и лишений. Средства, которыя доставляли ему отъ времени до времени братъ и родители, были недостаточны для женатаго человѣка, а свою связь онъ долженъ былъ тщательно скрывать отъ родителей. Хуанъ долженъ былъ работать много и усиленно, чтобы под养ить свою семью.

Перед известными читателям покушениемъ Монкусъ объявилъ отцу и брату о своемъ намѣрѣ переселиться въ Алжиръ, для пріисканія занятій, на что отецъ и братъ изъявили свое согласіе и снабдили Хуана необходимой суммой денегъ для путешествія.

Но, въкѣсто Орана, Монкуси отправился въ Мадридъ, гдѣ и произвелъ уже известное читателямъ покушеніе.

Русскія газеты удивлялись, что публика встрѣтила покусителя на
справѣ Альфонса безъ всякихъ враждебныхъ демонстрацій.

По нашему мнению, испанцы не имелись особенныхъ поводовъ благоговѣть передъ сыномъ распутной Изабеллы, идущимъ по стопамъ своей матушки, не смотря на свое несовершенство.

Испания не забыла своей республики, и лучшую часть испанского общества не зря заставть смотреть на великого монарха иначе, — такъ на узурпатора народной свободы.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ
отъ рабочихъ „СВѢРНАГО СОЮЗА“.

Съ выражениемъ крайняго сочувствія и одобренія прочла мы вѣши краткія, немногословныя, но пскреннія и честныя замѣчанія, помѣщенные въ № 4 „Земли и Воля“, по поводу нашей программы. Послѣ того, что многимъ изъ насъ пришлось слышать, эти замѣчанія, эта вскрышность тона, съ какою вы обращаетесь къ намъ, были, признаться, довольно неожиданы. Дѣятельность, настъ называемыя высокопами, упрекали въ недомыслии, проговорѣчками, ворчали за слогъ, а многие даже прямо относились съ недовѣріемъ, видя въ нашей программѣ произведение кителлентныхъ рукъ, написанное больше для „острастки“, и посему ничего не выражавшее собою (до того еще не довѣриютъ нашимъ словамъ, до того еще привыка смотрѣть на насъ, какъ на неспособную скотину, вкоренена во мнѣніяхъ).

Здесь мы не намѣрены особенно касаться тѣхъ или другихъ отъзыва, смысльныхъ нами, не намѣрены также подробнѣ распроспрашаться по поводу нашей программы; скажемъ только то, что безъ ошибокъ и прорѣкъ ничего не удается сначала, и это особенно относится до кудреватости слова, за каковую вы спрашивали и досадуете на насъ. Дѣйствительно, кудреватость слова—напы грѣхъ и мы его беремъ на себя. Поговоримъ теперь о тѣхъ упрекахъ, которые посыпались на наши головы тотчасъ по выходѣ „программы рабочихъ“. Главное обвинение сводилось къ тому, что въ нашей программѣ замѣчается путаница понятій и взорвѣй на различные оттѣнки революціонной партии Запада и изъ особенности (что-де очень странно) замѣчается смышеніе соціал-истаическихъ требованій съ конституціонными. Мы вѣримъ, что наша программа дѣйствительно должна была извать порицанія именно эту сторону, но только мы, съ своей стороны, ничего изъ неї незнакомаго не видѣли. Вѣдь, собственно говоря, если мы разбираемъ какое нибудь сужденіе, то оно должно обратить вниманіе только на то, есть ли въ немъ логики, а не на то—изъ чьихъ мыслей и словъ это сужденіе. Между тѣмъ многіе, какъ видно, именно и обращаютъ свое вниманіе только на послѣднее, и посему въ своихъ замѣчаніяхъ доходили до того, что требованіе политической свободы нами, рабочими, считали просто неумѣющимъ и не вѣжущимъ съ вопросомъ объ удовлетвореніи желания.

Вотъ здесь-то, признатъся, мы и не видимъ никакой логики, ничего кромѣ недомыслия. Вѣдь высказывать подобные соображенія — значить, прямо отказывать намъ даже въ малѣйшемъ пониманіи окружающихъ явленій, значить, прямо глумиться надъ нашими мозгами и пренебрѣгать разрѣшеніемъ сопѣтнаго вопроса исключительно только однимъ желудкомъ. Боямся, чтобы при такомъ узкомъ разрѣшеніи мы не пожрали другъ друга... Развѣ мы сами не знаемъ,

что лучше быть сытым и мечтать о свободѣ, чѣмъ, скажи на піцѣ съ Антоніемъ, добиваться свободы. Но что же делать, если логика желаній и помысловъ уступаетъ передъ нелогичностью исторіи и если политическая свобода является прежде соціального удовлетворенія. Насъ можно было бы еще упрекать, если бы мы составляли свою программу гдѣ-нибудь въ Подольской, обитателя которой дальше своей деревни да назойливаго пошасосѣднаго селенія ничего не вѣдаютъ. Въ этомъ слушай наша программа, кроме усмѣшки, конечно, ничего бы не вызывала, такъ какъ представлениѳ о Сосѣдѣ, умѣшющемъ хорошо лупинуть пресенную кору для своего желудка, и о политической свободѣ какъ-то не вижется. Но въ томъ-то и сила, что мы уже вышли изъ условій этой жизни, начинаемъ сознавать происходящее вокругъ насъ, а главное, что и заставило особенно насъ выставлять, повидимому, чуждая намъ требованія, мы составляемъ организацію не ради ея самой, а ради дальнѣйшей пропаганды и активной борьбы. Наша логика въ данномъ случаѣ коротка и проста. Намъ нечегоѣѣть, негдѣ жить — мы требуемъ себѣ пищи и жилища; насъ иначеѣ не учать, кроме ругательствъ и подалочного подчиненія, — и мы требуемъ замѣненія этой первобытной системы воспитанія. Но мы знаемъ, что наши требованія такъ и останутся требованіями, если мы, сложивъ руки, будемъ взирать съ умиленіемъ, какъ наши „державные“ и другие хозяева распоряжаются нашими животами и пускаютъ деревенскихъ собратьевъ по миру. И вотъ мы силачаемъ, организуемся, беремъ близкое нашему сердцу знамя соціального переворота и вступаемъ на путь борьбы. Но мы знаемъ также, что политическая свобода можетъ гарантировать насъ и нашу организацію отъ произвола властей, дозволять намъ правильнѣ развивать свое міровоззрѣніе и успѣшнѣ вести дѣло пропаганды, — и вотъ мы, ради сбереженія своихъ силъ и скорѣйшаго успѣха, требуемъ этой свободы, требуемъ отъныхъ разныхъ стѣснительныхъ „положеній“ и „уложеній“. Такое требование тѣмъ болѣе удобовыполнимо, что оно похоже на говорунамъ — этимъ дѣятельямъ будущей всероссийской говорильни, — съдовательно, на осуществленіе его разсчитывать не такъ трудно. Да не подумаютъ, чтобы и въ самомъ дѣлѣ политическая свобода входила въ наши особенные планы и разсчеты и для нея мы отводили столь же почетное мѣсто, какъ и для основного нашего требованія. Нѣтъ, мы только говоримъ, что такъ было-бы лучше, что эта свобода все-таки очень важное условіе для скорѣйшаго переворота и болѣе или менѣе осмыслинаго решенія соціального вопроса: а осмыслинность въ движениѣ, какъ и сами знаете, есть въ свою очередь опять весьма важное условіе для желаннаго исхода революціи. Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что ради осмыслинности соціальной революціи, мы желали бы ее оттянуть на бесконечно-длинныя времена. Бовсе нѣтъ; мы только говоримъ, что нужно пользоваться силы, что можно достать, нужно обращать вниманіе на все, что ограждаетъ услугу въ нашемъ дѣлѣ.

Гораздо важнее для насъ наши замѣчанія относительно нашихъ недостатковъ и пробѣловъ по аграрному вопросу. Дѣйствительно, мы уже черезъ чурь умѣлися разсмотрѣніемъ своего городскаго положенія, черезъ чурь пропитались духомъ различныхъ программъ Запада, и вотъ оказалось, что для нашей деревни изъ своей программы мы отвели очень немного мѣста. Но, да извинять намъ за этотъ промахъ, тѣмъ болѣе, что забывать деревню—не есть дѣло нашего ума и чувства. Для насъ столько же дорогъ мужчина съ его родными лѣсами, какъ и фабрічный; а улучшеніе быта первого даже важнѣе, потому что тогда ни одинъ кулацъ не вызвалъ бы насъ съ спокойствиемъ служить его ненасытному брюху. Не мѣсто, конечно, толкнуть здѣсь, въ чёмъ бы мы полагали разсужденіе аграрного вопроса и улучшеніе быта крестьянинъ. Мы знаемъ, что съ него дерутъ все, что можно содѣлать, отъ малого всѣ, что можно отнять въ видѣ податей, повинностей, обороны и поборовъ, въ „пользу“ да „на пользу“. И все это, конечно, взимается, какъ и слѣдуетъ, по закону. Знаемъ также, что у нашего крестьянинъ нѣтъ ни порядочныхъ школъ, ни училищъ, ничего такого, что бы хоть мало-мальски могло развить его духовную сторону. И это также въ порядке вещей; потому, если на христолюбивое воинство и на различные затѣи царскихъ потешниковъ и скромороковъ издерживаются сотни миллионовъ, то на образование и неоткуда брать болѣе 13-ти. Но самое главное, что гнететъ нашего мужика, такъ это недостатокъ земли. Дадутъ ему двѣ десятины, много три-четыре песку, пожалютъ присемъ всѣхъ благъ и оставить на произволъ судьбы. „На, моль, хоть инограда сѣй, выѣшисьаться въ хозяйство не станемъ, лишь бы денежки къ сроку“. Ну вотъ и сѣйтъ онъ виноградъ въ потѣ лица, чтобы потомъ „для вкуса“ пересыпать его мякиной или дрепесной корой. И платить за этотъ подарокъ крестьянская семья 18—25 р., а на помѣщицкихъ земляхъ—такъ и всѣ 40 руб. И это за какія-нибудь 7—10 десятинъ песку да нѣсколько десятинъ лѣсныхъ и луговыхъ угодий. Хорошо если еще какая скотина есть, а то хоть „взводъ да бѣгъ“. Посему—увеличеніе надѣловъ, сообразно необходимымъ потребностямъ семьи, насчетъ незанятыхъ и помѣщицкихъ земель, узаконеніе только тѣхъ повинностей, которыя прямо падутъ на удовлетвореніе нуждъ и потребностей крестьянской общины и на устройство школъ и сельскохозяйственныхъ училищъ,—вотъ что въ общихъ чертахъ можетъ добавить къ своей программѣ и выставить съ своей стороны необходимыми требованіями.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ по поводу нашихъ искреннѣхъ опасеній за цѣлость и сохранность нашихъ членовъ и нашей молодой организаціи. Смѣемъ васъ увѣрить, что эти опасенія неосновательны, и наѣмъ сдѣлалъ можетъ угрожать что-нибудь болѣе, чѣмъ и вамъ. Если 10 лѣтъ тому назадъ нашей полпціи не удалось покончить съ горстюю соціалистовъ, то тѣмъ болѣе теперь. Нѣтъ; у насъ не родилось такой синей чайки, которая бы имѣла смѣсть перегнать насъ всѣхъ на одной осадѣ, нѣтъ ни одного еще такого жандармского глаза, который могъ бы отличить соціалиста отъ простого смертного. Важенъ былъ только почина; но онъ сдѣланъ, и теперь едва-ли что способно заглушить ту идею, которая соединила насъ воедино и это тѣмъ болѣе вѣроатно, что уже теперь мы насчитываемъ членовъ "Союза" только изъ Петербурга около 200 чл., не говоря о другихъ 200 чл., на которыхъ вполнѣ можно положиться и которые, пѣ сегодня такъ завтра, сдѣлаются нашими сочленами.

Точно то же можемъ сказать и относительно рѣшенія—выдавать книги всѣмъ рабочимъ безъ исключенія, какъ рѣшенія, не противорѣчащаго чувству самосохраненія. Въ библиотеку вхожи только люди вполнѣ испытанные и надежные, и потому проѣтъ нахожденія ихъ знаютъ сравнительно очень немногіе. На этихъ немногихъ уже и лежитъ отвѣтственность передъ библиотекой и самими собой. Книги, передаваемыя членами въ руки знакомыхъ и далѣе, весьма мало могутъ сказать любопытному члену. Скорѣ такая передача будетъ носить на себѣ характеръ частнаго пользованія. Правда, отъ этого библиотека терпитъ иногда значительный ущербъ, книги теряются, но, что же дѣлать? Со временемъ, когда подобающе опредѣляется условіе выдачи книгъ, можно будетъ избѣжать и этого недостатка.

Выше мы сказали, что число членовъ "Союза" достигаетъ въ настоящее время до 200 чл., т. е. въ составъ организаціи вошли всѣ наиболѣе дѣятельныя, наиболѣе выдающиеся рабочие-соціалисты Петербурга. Избрание въ члены никакимъ особеннымъ "искусомъ" не обусловливается, и исключительное вниманіе обращается только на то, чтобы оно удовлетворяло основнымъ положеніямъ программы о привлѣченіи въ члены. Правда, при значительномъ количествѣ членовъ, не такъ-то легко достается сближеніе, не такъ ясно для многихъ представляются самыя цѣли, къ которымъ рѣшено стремиться (о чёмъ говорите вы), не такъ, наконецъ, дружно можетъ приподняться въ исполненіе извѣстнаго рѣшенія; но наши вѣзѣрѣ на организацію, тѣкущіе, что количественное превосходство не должно мѣнять качеству энергичныхъ и дѣятельныхъ членовъ и что, напротивъ, рѣшающее значение этихъ послѣдователей буде воспитательнымъ образомъ отражаться на всѣхъ. Первоосновная цѣль наша—организовать рабочую силу и отвести ей надлежащее поле для дѣятельности; посему разлѣчные отѣнки мнѣній, а также характеръ и направление соціалистической дѣятельности, клонящейся въ конечномъ результатѣ къ одному и тому-же, для насъ не должны имѣть особенного значенія.

Какъ думаемъ мы вести борьбу, въ чѣмъ проявлять свою силу и какой именно программы придерживаться въ окончательной формѣ—обо всемъ этомъ надѣемся поговорить въ свое время, когда будемъ имѣть возможность вѣрѣть намѣти свой путь въ обстоятельствахъ опредѣлить свои непосредственныя цѣли. Теперь же скажемъ только, что при слабости еще организаціи, при недостаткѣ энергичныхъ боевыхъ силъ, наша дѣятельность въ массѣ будетъ носить на себѣ характеръ пропаганды и мирий агитаций въ средѣ рабочаго и крестьянскаго люда. Но этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что болѣе или менѣе открыта борьба, какъ активное участіе въ агитации во время стачекъ, исключаются пока изъ нашей программы дѣйствій. Напротивъ, мы должны пользоваться всѣми удобными моментами, всѣми случаями, где бы могли открыто проявлять свою силу, какъ единичную, такъ, и массовую. Если вы попытаете настѣ и если создаете въ вашемъ важность правильной постановки и рѣшенія вопросовъ въ дѣлѣ нашей организаціи, то и не будете слишкомъ требовательны къ намъ, какъ, повидимому, желалось бы многимъ. Всѣ эти и тому подобные вопросы, въ которыхъ весь "Союзъ" заинтересованъ такъ близко, мы намѣревались разобрать на столбахъ своей газеты, где между прочимъ постарались бы разить и сущность нашей программы. Но, къ сожалѣнію, это желаніе, близкое было уже къ осуществлѣнію, по обстоятельствамъ, отъ насъ не зависящимъ, такъ и осталось пока желаніемъ. Мы лишились посему на время одного изъ самыхъ важныхъ рѣчагою нашей агитационной дѣятельности—печатного слова и лишили въ то же время рабочую и крестьянскую массу той пищи, въ какой она теперь наиболѣе находитъся.

Сотоварѣщи! вы знаете, насколько важна въ настоящее время эта пища, о какой мы говоримъ, но вы знаете также, что вашъ органъ "Земля и Воля" не можетъ служить ею для массы. Поэтому, съ искреннимъ сочувствіемъ мы отнеслись къ дошедшему до насъ слуху, что вы намѣрены въ скоромъ времени выпустить въ свѣтъ народную соціалистическую газету.

Пожелаемъ же вамъ отъ лица всего "Союза" полного успѣха въ этомъ благомъ одному и дорожемъ для насъ всѣхъ начинаніи.

ЗАМѢТКА ПО ПОВОДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ НА 1879 ГОДЪ.

(Статья вторая) *)

Мы разобрали въ первой части нашей статьи доходный бюджетъ 1879 г.; теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о бюджетѣ расходномъ и затѣмъ сдѣлать общее заключеніе относительно государственной росписи.

Мы не будемъ останавливаться на исчисленныхъ по росписи государственныхъ расходахъ съ тою же подробностью, какъ сдѣлали это относительно доходныхъ предположеній. — Финансовый кризисъ интересуетъ насъ главнымъ образомъ, какъ одинъ изъ symptomovъ наступающаго разложенія государственного строя. Намъ важно выяснить — какою степенью остроты достигъ этотъ кризисъ въ настоящий моментъ и какъ относится къ нему русское правительство.

То, что было приведено выше при разсмотрѣніи доходной росписи, даетъ уже достаточно материала для заключенія по этимъ вопросамъ, такъ что намъ остается добавить очень немногое.

Обратимъ прежде всего взоръ на общую цифру расходовъ, исчисленныхъ по росписи 1879 г. Цифра эта достигла размѣровъ, доселе еще небывалыхъ. Въ 77 г. (послѣднемъ, за который имѣются сдѣлкы о дѣйствительномъ исполненіи росписи) итогъ государственныхъ расходовъ составлялъ 585 мил. руб.; въ 76 г.—573 мил. руб.; въ 75 г.—547 мил. руб.; на 78 г. предположено было расходы 583 мил. руб.; по росписи 79 г. расходный бюджетъ простирается до 619 мил. руб.**)

Такимъ образомъ, по сравненію съ непосредственно предшествовавшимъ годомъ, сумма расходовъ по бюджету 1879 г. возросла болѣе чѣмъ на 30 м. руб. Если мы посмотримъ ближе, къ какимъ именно предметамъ относится это возвышение расходовъ, то увидимъ, что оно падаетъ цѣлкомъ на такъ называемые непроизводительные расходы, т. е. такие, которые никакъ не могутъ иметь своимъ поѣдѣствиемъ непосредственнымъ или отдаленнымъ, соотвѣтственнаго возышенія государственныхъ доходовъ. Въ самомъ дѣлѣ, на первомъ планѣ здесь фигурируютъ издержки на излѣчѣніе процентовъ по государственнымъ займахъ. Сумма этихъ издержекъ въ 1879 г. увеличена почти на 23 м. руб. противъ бюджета 1878 г. Затѣмъ идутъ расходы на полицію: бюджетъ собѣтской е. и. в. канцеляріи увеличенъ на 300 м. руб.—на "президиальный надобности", и бюджетъ министерства внутреннѣхъ дѣлъ на 2 $\frac{1}{2}$ мил.—на содержаніе вновь учрежденныхъ пресловутыхъ урядниковъ (какъ видно, борьба съ "преступной пропагандой" недешево обходится правительству!). Наконецъ болѣе или менѣе значительныя увеличенія ассигнований сдѣланы на надобности морскаго и воинскаго вѣдомства и на арестантскую часть.

Но, какъ ни велика цифра бюджетныхъ расходовъ 1879 г., не трудно убѣдиться, что она далеко не соответствуетъ дѣйствительности и что роспись при исполненіи должна достигнуть размѣровъ еще болѣе солидныхъ.

Дѣло въ томъ, что при составленіи расходной сметы были пущены въ ходъ тѣ же самые приемы грубаго шарашатства, которые мы изобличили выше, говоря о бюджетѣ доходномъ. Цифры расходовъ искусственно уменьшены. — Было бы утомительно слѣдить за этой "хитрой манекюро" по всѣмъ подраздѣленіямъ росписи; мы ограничимся поэтому двумя-тремя болѣе или менѣе характеристическими примѣрами. Извѣстно, что для покрытия военныхъ расходовъ сдѣлано было нѣсколько займовъ п междѣ ими два т. наз. "восточныхъ" въ 500 м. руб. По этимъ займамъ платится 5% въ интересахъ и 1 $\frac{1}{2}$ % поташенія. По обыкновенной архометрѣ 5 $\frac{1}{2}$ % съ 500 мил. составляетъ 27 $\frac{1}{2}$ мил., по исчисленіи же государственной росписи выходитъ всего около 20 м. руб.! Даѣте, значительная часть государственныхъ займовъ выпущена въ металлической валюте и излѣчѣ по нимъ производится золотомъ, поэтому, цифра этихъ расходовъ находится въ прямой зависимости отъ курса. Уже очень давно нашъ рубль не поднимался выше 22—23 центовъ и нѣтъ никакихъ оснований разсчитывать на увеличеніе его стоимости въ ближайшемъ будущемъ. Между тѣмъ въ государственной росписи при исчисленіи расходовъ, зависящихъ отъ курса,ѣнность рубля принята въ 26 пен., т. е. болѣе чѣмъ на 10% выше дѣйствительной. Но вліяніе курса распространяется не только на такія статьи расходовъ, которые исчисляются на золото: такъ какъ цѣнность денегъ опредѣляется въ извѣстной степени товарнаго лѣна, то паденіе цѣнности кредитнаго рубля должна имѣть естественнымъ посѣдствиемъ увеличеніе расходовъ казны, во всѣхъ случаяхъ, где она является покупщикомъ. Просмотрите всю государственную роспись и объясненія къ ней въ докладѣ министерства финансовъ—и вы не найдете ни одного намека, чтобы указанное обстоятельство принялъ

*) См. № 4 "Земля и Воля".

**) Мы приводимъ вездѣ только т. и. "обыкновенные" государственные расходы, не принявъ въ разсчетъ "президиальные" на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и улучшениіе портовъ, которые покрываются не изъ общихъ государственныхъ доходовъ, а изъ специальнаго фонда. Выѣтъ съ "президиальными" расходами итогъ издержекъ по сметѣ 79 г. равняется 628 м. руб.

было бы во вниманиі при назначениі ассигнованій по тѣмъ или другимъ предметамъ. Это тѣмъ бѣше замѣтительно, что при исчислении доходовъ вмѣніе визкаго курса фигурируетъ какъ одна изъ причинъ ожидаемаго воззрѣнія пітейныхъ и таможенническихъ сборовъ. Вотъ ужъ доподлинно, по евангельскому изрѣченію, шуйца не знаетъ, что дѣлаетъ десница!

Всѣ эти грубыя натяжки въ расходахъ бросаются въ глаза даже при разсмотрѣніи росписи въ томъ обобщенномъ видѣ, въ которомъ она опубликована. Если же обратиться къ болѣе детальному анализу смѣтъ отдѣльныхъ министерствъ, то можно наполнить не сколько печатныхъ листовъ образчиками разныхъ финансовыхъ фокусовъ, которыми онѣ изобилуютъ. Но мы не станемъ утомлять читателей дальнѣйшими экскурсиями по этой непрігладной и скучной области. Для нашихъ пѣлѣй достаточно и тѣхъ данныхъ, которыхъ приведены выше. На основаніи ихъ мы считаемъ себя вправѣ высказать заключеніе, что роспись государственныхъ расходовъ составлена съ тѣмъ же приемами, какиѣ и доходная роспись; что бюджетный балансъ сводится всѣми правдами и неправдами, и притомъ такъ грубо, что бѣлыя пятки выступаютъ наружу и видны даже „небооруженному глазу“.

Въ концѣ концовъ, припомнія то, что высказано было въ первой нашей статьѣ, мы должны признать, что анализъ государственной росписи въ ея совокупности доказываетъ совершиенную неосновательность искусства подведенного къ ней баланса расходовъ и доходовъ и приводитъ напротивъ того къ убѣждѣнію въ ненадѣжности крупнаго дефицита въ нѣсколько десятковъ миллионовъ.

Когда равновѣсіе между доходами и расходами нарушено въ столь значительной степени, и когда въ ближайшемъ будущемъ можно ожидать не улучшений, а ухудшений въ положеніи дѣла, тогдѣа нельзя не признать наличности въѢ признаковъ финансового кризиса.

Мы говорили выше, что настоящему финансовому кризису мы придаємъ болѣеѣ значеніе и смотримъ въ немъ одинъ изъ симптомовъ разложения государственного строя. Постараемся пояснить нѣсколько обстоятельствъ нашеї мысли.

Нѣтъ сомнѣнія, что затруднительная финансовая обстоятельства самы по себѣ не представляются еще всегда особенно грозного признака. Очень трудные кризисы разрѣшаются благополучно. Финансовый кризисъ смертеленъ для государственной системы только тогда, когда при существующихъ условияхъ изъ него нѣтъ и не можетъ быть выхода. Современный кризисъ отличается именно такимъ характеромъ.

Доказательствомъ этому служитъ главнымъ образомъ бывшее въ глаза несоответствіе между серьезностью задачъ, которая выдвигается настоящимъ положеніемъ дѣла и жалкою мимотечею вытѣренной политики российского государства, проявляющеюся между прорѣчимъ и въ томъ государственномъ актѣ, который мы разбираемъ въ настоящую минуту.

Чтобы выйти изъ современного критического состоянія русскихъ финансовыхъ и русского государства, вообще необходимо энергическій и обширный переворотъ, который долженъ коснуться самыхъ основныхъ сторонъ государственной и общественной жизни. Нужно полутиѣ теперь уже окончательно невозможенъ. 20 лѣтъ тому назадъ Россія переживала государственный кризисъ по серьезности своей подходящий къ современному. Кризисъ этотъ былъ устраненъ и финансы государства были приведены даже въ блестящее по наружности состояніе въ слѣдующій затѣмъ „реформаціонный“ періодъ. Мы не будемъ говорить здѣсь подробно, какими мѣрами былъ достигнутъ такой результатъ: эта матерія уже достаточно раскрыта; напомнимъ только, что выдающееся место среди этихъ мѣръ занимало искусственное оживленіе промышленности (и особенно благоподаяніе желѣзныхъ дорогъ), привлеченіе въ страну массы капитоловъ, которые временно увеличили народные заработки и позволили увеличить налоги. Поддержкою и очорою финансового благоподаянія явился все тотъ же податной мужикъ. Но такъ какъ реформаціонный періодъ никакого прочного приращенія мужицкаго благосостоянія не далъ, а напротивъ въ концѣ его мужикъ былъ обображенъ окончательно фискомъ и, при его содѣйствіи, разными проходимцами нарождающейся крупной буржуазіи, то немудрено, что блестящій мѣражъ продолжалась недолго и мы находимся теперь лицомъ къ лицу съ новымъ финансовымъ кризисомъ. Съ мужикомъ взяты уже болѣе нечего, а кроме него нѣтъ въ государствѣ ни оной достаточнѣ солидной экономической силы. Повторить опять тотъ же маневръ, который только что окончился крахомъ, при современныхъ условіяхъ невозможно. Значитъ, не останется ничего другого, какъ приняться за коренные задачи: 1) сократить и перестроить саму государственную машину, поставивъ ее въ соотвѣтствіе съ наличными экономическими средствами и 2) измѣнить радикально направление экономической политики, именно обратить ее главнымъ образомъ на подните благосостоянія массы, составляющихъ единственную поддержку состоятельности государства.

Но предполагать серьезно, что русское правительство способно не только послѣдовательно провести подобную программу, а даже и приступить къ ней, — можно развѣ вполнѣ отрываясь отъ условий пространства и времени. Скажемъ болѣе: по отношенію къ русскимъ правящимъ сферамъ въ настоящее время смѣшно говорить не только о принципиально-народной, но даже о какой бы то ни-

было связной и серьезной политикѣ въ финансовыхъ и экономическихъ вопросахъ. Факты, доказывающие это, на лицо.

Уже самая государственная роспись, съ которой мы старались познакомить читателей, можетъ служить образчикомъ, какъ относится правительство къ труднымъ финансовымъ осложненіямъ. Оно прежде всего употребило всѣ усилия, чтобы какънибудь скрыть, замазать опасность, обмануть и себя, и другихъ. Насколько грубо совершился этотъ обманъ, можно судить по примѣрамъ, приведеннымъ выше. Но такъ какъ, несмотря на всѣ натяжки, нельзя было признать, что все обстоитъ благополучно, то пришлось принять кой-какія мѣры. Что-же это за мѣры?

Всѣ онѣ перечибаются пресловутыми новыми налогами да учрежденіемъ нѣсколькоихъ бюрократическихъ комиссій. О новыхъ налогахъ мы говорили подробно въ первой половинѣ нашей замѣтки. Мы тогда уже предсказали фіаско нѣкоторымъ изъ нихъ и послѣдствія по твердымъ наши предсказанія. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ пришло отыѣнить „до болѣе удобнаго времени“ вновь изобрѣтенный налогъ на пароходное пасажирское движеніе; газеты наполнены извѣстіями объ уменьшении пасажирского движенія на желѣзныхъ дорогахъ: пасажиры первыхъ двухъ классовъ переходятъ въ третій, значительная часть третіеклассниковъ обращается къ способу пѣшаго хожденія. Точно также налогъ на водку вызвалъ закрие множества заводовъ и сокращеніе потребленія. Такимъ образомъ миллионы, ожидаемые отъ новыхъ налоговъ, въ значительной мѣрѣ окажутся только на бумагѣ.

Но даже если-бы въ предположеніи и осуществились, во всякомъ случаѣ нѣльзя такіе жалкіе палативы считать сколько-нибудь дѣятельными средствами противъ недуга, кроющагося въ основаніяхъ самой государственной системы. Вѣдь это почти все равно, что ожидать искорененія революціонныхъ побѣговъ отъ установления военныхъ судовъ для политическихъ преступлений. Какъ никакие военные суды не помѣщали выстрѣлу въ Дрентельна и не помѣщаютъ и впередъ подобныхъ же фактовъ, такъ точно и безсвязны, на данный случай состѣянія финансовыхъ мѣтрополій, вродѣ вышеупомянутыхъ, не устранить финансового кризиса, разъ они вызываются общими принципиальными причинами.

Нечего говорить, конечно, что отъ всевозможныхъ комиссій нечего ожидать спасенія и что самое ихъ учрежденіе вызвано желаніемъ отложить въ долгій ящикъ несрѣдственные вопросы, которые оказываются невозможными просто игнорировать,—а вовсе не желаніемъ подвинуть эти вопросы къ разрѣщенію. Въ настоящее время существуютъ три комиссіи по финансовымъ дѣламъ: 1) комиссія для сокращенія государственныхъ расходовъ, 2) комиссія о податяхъ и 3) учрежденная на днѣхъ (23 марта) комиссія по вопросу о замѣнѣ подушной подати иными сборами. Отъ этихъ комиссій добродушные российские либералы ожидаютъ великихъ благъ, какъ это имъ и подобаетъ, ибо, кажется, вообще нѣтъ людей болѣе полныхъ юѣрой и надеждой, чѣмъ русскіе либералы. Въ особенности возлагались upon въ комиссіи сокращенія расходовъ. Отъ неї ожидали чутъ и конституціи. Дѣятельность не оправдала, однако, этихъ ожиданій. Насколько известно, до сихъ поръ комиссія додумалась только до уничтоженія совѣтниковъ губернскаго правленія. Какое разочарованіе! Вѣдѣто конституціи—преобразованіе губернскихъ правленій! Извѣстенъ и еще одинъ фактъ, касающійся комиссіи, хотя и напечатанный въ газетахъ: немедленно по ея образованіи, предсѣдатель ея, Абаза, (вѣроятно, въ вѣдѣтъ сокращенія расходовъ) получилъ казенную ссуду въ 800 т. р., и одинъ изъ главныхъ членовъ, министръ финансовыхъ Грейгъ, отдалъ свою знаменитую квартиру на 14 ватерлоэтахъ на счетъ суммы „на извѣстное его величеству употребленіе“.

Дѣвъ другія комиссіи ни въ чёмъ еще не проявили своей дѣятельности, но можно надѣяться, что... прѣзъ десять лѣтъ онѣ издастутъ нѣсколько толстыхъ томовъ своихъ трудовъ пъ „по прѣдѣле бывшаго прѣмѣръ“ канутъ въ вѣчность.

Мы осмотрѣли весь арсеналъ средствъ, которыми владѣетъ русское правительство для борьбы съ финансовымъ крахомъ. Очевидно, что въ рукахъ его жалкое, картонное оружіе! Никакое другое ему не подѣлу, — въ этомъ-то и лежитъ роковая сторона дѣла.

ОТГОЛОСКИ 2 АПРѢЛЯ.

Покушеніе 2 апрѣля не только глубоко знаменательный фактъ протеста,—оно начинаетъ принимать характеръ исторического события, послѣдствія котораго трудно даже предвидѣть.

Покушеніе 2 апрѣля—событие страшное, мрачное знаменіе времени. Это грозное штѣmento тоги, предъявляемое нарождающимся будущемъ отжившему порядку вещей.

Раззолоченное величие сверкаетъ новидимому всѣмъ своимъ блескомъ, неограниченный повелитель миллионовъ рабовъ защищаетъ крѣпкими стѣнами дворцовъ, стальной оградой штыковъ, цѣлою арміей шпионаў; для своей безопасности онѣ не затрудняются пожертвовать сотнями тысяч жизней.. Но вотъ поднимается откуда-то карающая рука и безконтрольный самодержецъ вселъ Великія, и Малыя, и Вѣлыя Россіи и иныхъ многихъ странъ государь и обладатель, въ са-

момъ-центрѣ своего могущества, подъ стѣнами собственного дворца обращается въ постыдное бѣгство. Да, повелитель миллионовъ штыковъ бѣжалъ, сиоткался, падалъ, и страшный образъ убѣди прѣѣдовъ его даже въ стѣнахъ Казанского собора, откуда царя должны были выносить почти на рукахъ его приближеніе; этотъ образъ преслѣдуетъ его и понынѣ и побуждаетъ его дрожащею рукою подпишать драконовскіе эдикты, отдающіе Россію на расхищеніе полновластнымъ сатрапамъ.

Какимъ образомъ тысячи царскихъ опричниковъ не предохранили своего государя отъ такого непрѣятнаго приключенія? Какая сила выдвинула Соловьеву? Оставимъ въ сторонѣ эти вопросы, на которыхъ такъ же легко отвѣтить вообще, какъ трудно въ частностихъ. Посмотримъ лучше, что дѣлалъ Петербургъ, услыхавши выстрѣлы на Дворцовой площади.

«Городъ обѣять ужасомъ...» „населеніе юосторожнѣе привѣтствує обожаемаго монарха...“—говорить намъ наши газеты, сообщая то же самое по провинціи. Оставимъ покамѣстъ извѣстія о проявленіи на совѣти газетчиковъ. Но то, что происходило въ Петербургѣ—вѣдь мы видѣли и слышали, и относительно того имѣемъ полную возможность сказать газетчикамъ: „господа, вы лжете просто безсѣдно.“

Праздничный день, превосходная погода — все это, вызывавшее на улицы полу-Петербурга, въ вышней степени благопріятствовало какъ распространѣнію слуха, такъ и всевозможнымъ манифестаціямъ. И однако же около дворца собралось очень немногого народа. Длинная, но очень узкая лента людей опоясывала фасадъ дворца въ дѣйствительно очень усердно кричала „ура!“ п. т. п. Но разумѣть, столпилась гора о большая, потому незначительная куча народу и стояла уже совсѣмъ смири, безъ проявленій вѣрноподданническихъ чувствъ. У Казанскаго Собора во времѣ благогарственнаго молебна толпа была большая, но далеко не такая, какая можно было бы ожидать изъ самой центрѣ Невскаго. „Ура!“ п. здѣсь было жидкотато. Вѣсты о покушеніи расходились крайне медленно. О Троицкой исторіи весь городъ зналъ черезъ часъ 2-го апрѣля большинствомъ узнало о происшествіи спустя часъ по Невскому и рѣшительно не знало о покушеніи. Разговоры о немъ совсѣмъ не было. Кое-гдѣ изрѣка раздавалось отрывочное „слыхали?“, на которое тонко такъ же лаконически отвѣтывали „да“. Это поразительно захватывающее событие можно было бы, пожалуй, счесть признакомъ глубокаго, болѣзнищаго впечатлѣнія: но толпы не молчали: они бѣгали также весели и оживлены, какъ изъ любой праздникъ, тѣже ходили, толковали о меихахъ дневныхъ событияхъ въ сплетняхъ, такъ же угощались и хрюкались, какъ въ первый день Пасхи. Очевидно, имѣтель въ царя просто мало заинтересовалъ ихъ. Рѣдко-рѣдко нападалась наблюдатель на разговоры о покушеніи, и тогда, въ большинствѣ случаевъ, слышалъ одно голое изложеніе факта, размышеніе о томъ, „что-то будетъ теперь съ убѣдѣ?“, иногда сожалѣніе о немъ, иногда очень странные толки: „какъ это онъ промахнулся на такомъ разстояніи!“. Чистая публика держала себя очень часто уже просто двусмыслило, съ какой-то усмѣшкой читала „Приблѣженіе къ Прав. Вѣсти.“ Масцы сѣраго паро а совсѣмъ ничего не выражали. Очень, очень рѣдко ругательства можно было услышать иногда только со стороны мелкихъ купчиковъ. Еще реже попадалось „выпѣхъ за спасеніе государя“.

Насталъ вечеръ. Днемъ флаги падали на домаахъ въ очень ограниченномъ количествѣ. Флагъ съ вензелемъ Александра II былъ на цѣломъ Невскомъ всего одинъ на какомъ-то пансіонѣ. Вечеромъ жаждала плюхиницію. Давно уже не видѣли Петербургъ такой казацини. Осыпанный частными квартирами можно было перечесть по нальямъ; магазины, запертые по случаю праздниковъ, стояли неосѣщенными; одинъ официальный газовый солница горѣли на фонарныхъ столбахъ. Этотъ казенный характеръ оставался при плюхиниціи даже въ слѣдующие дни, когда полиція имѣла уже времѧ „прѣдоставить“ обывателямъ проявлять теплоту чувствъ. Невскій, разумѣется, былъ покрытъ толпами гуляющихъ, какъ и подобаетъ быть въ праздничное время, но толковъ о прошествіи рѣшительно не слышалось. Дворцовая площадь вечеромъ изображала изъ себя темную и безлюдную пустыню, оживляемую только массой жандармовъ, мѣстами расположившихъ биваками, точно въ забоеванномъ городѣ. Въ театрахъ со сцены была начата комедія народнаго воодушевленія. Актеры, въ костюмахъ пье, слушали „народный гимнъ“, начинали кричать „ура“, кидали шапки; публика, поощряемая многократной полиціей, повторяла за ними „ура“, хотя шапокъ и не имѣла. Мѣстами публика обнаруживала явно-тенденціозное нежеланіе вставать при исполненіи „народнаго гимна“. Въ однѣмъ театрѣ-балаганѣ вышла курьезная сцена. Какой-то „господинъ въ статскомъ чинѣ“ началъ кричать: „народный гимнъ!“. Публика, съ нетерпѣніемъ живущая началомъ пьесы, была раздосадована этой от речкой, и со всѣхъ сторонъ послышалось: „молчи!“. Однако, народный гимнъ, конечно, былъ все-таки исполненъ.

Отсутствие всякаго воодушевленія какъ 2-го апрѣля, такъ и въ слѣдующие дни—фактъ рѣзкій, бросающейся въ глаза; его замѣтили съ удивлѣніемъ всѣ, весь Петербургъ, само III Отд., — п. нужна вся без-

^{*)} „Прав. Вѣстн.“ этимъ называемъ обозначаетъ шпиона.

застѣнчивость нашей цензурной прессы, чтобы толковать о восторженныхъ проявленіяхъ радости и негодованія. Ни того, ни другого не было. Повторяясь, мы не объясняемъ этого сочувствіемъ къ покушенію. Но видно Александръ II всѣмъ уже падѣть, никто отъ него ничего уже не ждетъ, и всѣ относятся крайне индифферентно къ его судѣ, если даже такой рѣзкій фактъ не вызываетъ нѣкоторыхъ оживленій въ сочувствіи. Что касается отдельныхъ случаевъ энергичнаго проявленія негодованія противъ покушенія, то ихъ такъ мало, что каждому можно противопоставить противоположный случай сочувствія „преступнику“.

Сознаніе этой очевидной непопулярности царя и правительства прослѣдывается даже въ нашей халуйствующей прессѣ, когда она обращается къ обществу съ упреками въ томъ, что оно недостаточно приспособлено къ липскому духомъ, мало слѣдить за злоумышленниками и не доносить на нихъ. Это сознаніе сказывается и у самого царя. Обращаемъ вниманіе читателей на его знаменитый отъветъ петербургской лумѣ. Эта рѣчь не должна пропадать для пометки.

„Благодарю васъ, господа, сказали царь, за чувства, выраженные за вѣсъ нашимъ головою. Я въ нихъ никогда не сомнѣвался. Обращаюсь къ вамъ, господа: многіе изъ васъ ломовладѣльцы. Нужно, чтобы ломовладѣльцы смотрѣли на своихъ дворниками и жильцами. Вы обязаны помогать полиціи и не держать подозрительныхъ людей. Нельзя относиться къ этому спустя рукава. Посмотрите, что у насъ лѣтаетъ Скоро честному (?) человѣку нельзя будетъ показаться на улицѣ. Посмотрите сколько убийствъ. Хорошо меня Богъ спасъ. Но бѣдного Мезенцева они отправили на тотъ свѣтъ. Въ Дрентельна тоже стрѣляли. Такъ я надѣюсь на васъ. Ваша помощь нужна. Это ваша обязанность.“

Право, рѣчь щѣрпинскаго становаго было много лучше. Неужели даже послѣ 24 лѣтъ царствованія человѣкъ не можетъ научиться держать себя съ достоинствомъ.

Сполоченое міросозерданіе главы государства проявилось и въ его мѣропріятіяхъ. Теперь только и слышны о дворникахъ — это герой дил. Въ апрѣль появился указъ обѣ утвержденіи временныхъ генераль-губернаторовъ. У насъ, въ Петербургѣ, назначены Гурко, въ Одессѣ — Тотлебенъ, въ Харьковѣ — Лорис-Меликовъ. Театръ юрийскихъ дѣйствій переносится, значитъ, на Неву, Днѣпро и Валдайскія горы. Власть новыхъ сатраповъ неограниченная. Они имѣютъ право не только отдавать подъ военный судъ, арестовывать и выселять всякихъ „безъ различія званія и состоянія“, безъ всякой мотивированіи: имѣютъ право не только пристанавливать и запрещать periodическихъ изданій: перечислиши все это, очевидно опасаясь, не пропущено ли еще чего, добавляютъ: „и вообще принимать тѣ мѣры, которыхъ по мѣстнымъ обстоятельствамъ они признаются необходимыми для охраны порядка во вѣтреномъ имѣ краѣ“. Т. е. Гурко можетъ распоряжаться въ Петербургѣ также, какъ въ Казанскомъ. Отъ нашего премудраго государства разумѣется нельзѧ было ничего другого ожидалъ. Фельзебельскоѣ міросозерданіе не расширится, конечно, отъ того, что у человѣка на головѣ корона вѣсто кепи. Обсуждать эти мѣропріятія совершенно бесполезно. Правительство обличаетъ себя въ опасности, обявляя открытую войну уже не однѣмъ революціонерамъ, а всей Россіи. Пусть будетъ тѣль. Мы не знаемъ пока, хватитъ ли у правительства силъ для того, чтобы сдѣлать изъ этого военнаго положенія не смѣшной фарсъ, а нѣчто дѣйствительно ужасное. Но это все равно. Будутъ ли разстрѣливать десятки или сотни, будутъ ли высылки тысячъ или десяткѣ тысячъ — не спасиѣ правительству по общимъ мѣрамъ. Бездѣяніе, безправіе, деспотизмъ, насилие, похищаніе личности въ всей странѣ — губили правительство до сихъ поръ: они создали у настѣрево юніонную партію, они дали ей рѣшимость бѣгать на смерть съ правительствомъ, они доставили партіи сочувствіе всѣхъ порядочныхъ людей. Довольно свои основные принципы до сихъ мѣстъ и оставить при исполненіи „пароднаго гимна“. Въ однѣмъ театрѣ-балаганѣ вышла курьезная сцена. Какой-то „господинъ въ статскомъ чинѣ“ началъ кричать: „народный гимнъ!“. Публика, съ нетерпѣніемъ живущая началомъ пьесы, была раздосадована этой от речкой, и со всѣхъ сторонъ послышалось: „молчи!“. Однако, народный гимнъ, конечно, былъ все-таки исполненъ.

НАШІ ДОМАШНІЯ ДѢЛА.

„Имѣющій очи видѣть—да видѣтъ“.

Послѣдняя зима была особенно замѣтна по количеству общекъ и арестовъ во всей Россіи. Такого времени не запоминаютъ съ самаго 74 года. Кажется, правительство во что бы то ни стало хотѣть какъ можно глубже вырыть подъ своими ногами ту пропасть, въ которую оно рано или поздно должно свалиться.

Начнемъ настоящую хронику съ „голоднаго бунта“ въ Петровавловской крѣпости. Мы просимъ читателей не посѣтовать на краткость нашего сообщенія: читатель знаетъ, съ какимъ трудомъ получаются всякихъ извѣстія изъ этихъ могильныхъ склеповъ, куда за живо замуровываются правительствомъ ненавистные ему люди.

Въ началѣ февраля жандармы лишили табаку арестованного прошлой осенью Вл. Сабурова (псевдонимъ), за слишкомъ гордое обращеніе съ начальствомъ и за отказъ писать что-либо своей рукой. Другие заключенные стали требовать, чтобы Сабурова, который въ едва много курилъ, не пощеглядывалъ этой пачкой. На это требование начальство отвѣчало, что, если заключенные будутъ мѣшаться не въ свое дѣло, то у остальныхъ все отберутъ. Заключеннымъ оставалось протестовать единственно возможнымъ для нихъ способомъ: они заявляли, что если ихъ требовали не бууть уважены, они умрутъ себѣ головной смертью,—и отказались отъ пищи. Четыре дня они ничего неѣли; на пятый начальство своимъ грубымъ обращеніемъ довело ихъ до такого раздраженія, что они подняли шумъ и начали бить стекла. На нихъ напустили солдатъ, которые, бѣгаясь цѣюю топою въ каждую камеру по очереди, бросались бить прикладами заключенныхъ, вязали имъ, учили ящерики, подушки, обѣла и всѣ остальные дозволенные въ камерь вещи, оставляя заключенныхъ на голомъ полу, зимой, въ камерь съ разбитыми окнами. Говорятъ, что о ну дѣвушку, сопротивлявшуюся, когда ее пришли визывать, такъ оглушили прикладомъ по головѣ, что она долго лежала безъ чувствъ.

Всей этой, обижденной по своей дикости, расправой завѣдила смотритель Богородской, съ одобрѣніемъ шефа жандармовъ. Во все время этого "бунта" никого изъ заключенныхъ на сиданіи не допускали, давали книгу и провизію отъ родственниковъ или знакомыхъ не принимали и запрещали, какъ говорятъ жандармы—по мысли члену позѣбіи, вскакую перепаску заключенныхъ съ родными.

На другой день послѣ расправы часовые докладывали смотрителю, что "всѣ (заключенные) лежатъ живехоньки..." (!) Читатель можетъ представить себѣ картину, при которой было возможенъ подобный докладъ!

Въ то время, когда эти события совершились въ тюрьмѣ—на воѣ прошло въ послѣдніе 3 мѣсяца небывалое количество арестовъ. Мы остановимся только на тѣхъ, которые не были еще упомянуты въ "Листѣ Земли и Воли".

Пачеемъ съ провинціи.

Въ Харьковѣ, послѣ убийства кн. Крапоткина, полиція долго месилась туда и сюда безъ всякихъ видимыхъ поводовъ. Сыщики жандармы являлись почти во всѣ дома, спрашивая, где былъ и что дѣжалъ въ ночь убийства каждый квартирантъ или хозяинъ дома. Почти всѣхъ, кто въ это время случайно отлучался, приводили въ полицію на допросъ; по слѣдовъ убийства никакихъ, конечно, не нашли.

Къ одному изъ первыхъ жандармовъ явилась къ инженеру **, жена которого была любовницей Крапоткина. Какъ извѣстно, еще за мѣсяцъ до убийства инженеръ, узнавъ о невѣроности жены, произвелъ публичный скандалъ, надѣбивъ много шума въ великосѣверскому обществу Харькова. *) Эта история даа полиціи мысль, что убийство не имѣетъ политического характера, а просто фактъ личной мести. Инженеръ, однако же, говорятъ, не былъ даже арестованъ или же освобожденъ на съѣдующую ночь.

Въ слѣдующіе дни были обыски у студентовъ: Ивантина, Кашинцева и Прогоропова, причемъ искали исключительно оружіе: на книги и бумаги не обращали почти никакого вниманія. Прогороповъ былъ арестованъ, но всѣдѣ затѣмъ снова выпущенъ.

Чтобы прекратить въ городе скандальную мову, ходившую въ Харьковѣ обѣ образѣ жизни покойного губернатора, виде-губернаторъ на его похоронахъ читалъ и раздавалъ присутствовавшимъ прокламацію, напечатанную въ то время соціалистами и значительное количество которой доставила ему полиція, снимавшая ее со стѣнъ домовъ.

Въ Москвѣ, всѣдѣ за открытиемъ убийства Рейнштейна, было точно также множество общекомъ и арестовъ, такъ какъ Рейнштейнъ при своей жизни успѣлъ сѣять громадное количество досконы.

Кромѣ поименованныхъ въ № 3 "Листка Земли и Воли", въ Москвѣ съ 6 на 7 марта арестованы: петровецъ Сергій Мачиевъ; техники: Фридайсонъ, Гранковский; студенты: Ващенко, Никольский, Бикторовъ; рабочий Маковъ, Ав. отъ Ивановской, Ал. Маковъ, Черкасовъ (освобожденъ), Тверитиновъ, бывш. ред. "Слова" Исаид. Гольдсмітъ и его жена (оба освобождены).

Кромѣ этихъ и многихъ другихъ арестовъ, были обыски: у студ. матем. Бунинъ, Сергея Преображенского и др.

Всѣдѣ затѣмъ была арестована г-жа Головачева съ дочерью, по скорѣ обѣ освобождены.

Въ Кіевѣ, во время событий на Жилянскій ул., кромѣ уже поименованныхъ въ № 3 "Листка Земли и Воли" Вл. Мокріевича и М. Ковалевской, были арестованы: уже умершіе въ настоящее время братья Ивицкіи, Брандеръ, опасно раненый, Стеблинъ-Камен-

скій — сынъ полтавскаго поліціймейстера, работой Николай и др. Изъ женщинъ въ д. Коссовской арестованы: Нат. Армфельдъ, Потылицына и Сарандовичъ.

М. Ковалевская и Вл. Мокріевичъ были посажены въ тюрьму въ наибѣльѣ изолированная камеры. Первая была привезена прямо въ тюремный карцеръ, гдѣ и была оставлена, не смотря на слабое здоровье и первое состояніе, вилотѣ до тѣхъ поръ, пока тюремный докторъ не объявилъ, что если ей не переведутъ въ свѣтлую и болѣе просторную камеру, то неизѣль рухнется за ея жизнь.

Въ концѣ марта надѣя арестованными въ д. Коссовской уже назначены военный судъ; Мокріевича же и Ковалевскую, которые не могли оказать вооруженного сопротивленія по причинѣ изъѣзда Бачичевой, хотѣя присоединить въ другому дѣлу,

Въ Одессѣ, послѣ нанесенія раны шпону Гофъ-Штофту, 9 февраля, арестованы: студ. одес. унив. Манаковъ и рабочіе: Надѣйкинъ, Говорухинъ и Медведевъ, мальчикъ 13 лѣтъ.

Особенно сильны за послѣдніе мѣсяцы были аресты въ Петербургѣ; мы едва ли ошибемся, говоря, что за минувшую зиму въ немъ было арестовано болѣе 2 тыс. человѣкъ, значительная часть которыхъ уже выслана администраторомъ.Никто еще такъ безцеремонно не распоряжался жизнью своихъ подданныхъ, какъ либеральный реформаторъ А. екандеръ II.

Вотъ нѣкоторые изъ арестовъ за послѣдніе 2 мѣсяца.

Въ концѣ января схваченъ давно разыскиваемый полиціей рабочій Иванъ Ивановичъ Козловъ (псевд.) по доносу уже убитаго шпиона Рейнштейна. Мы до сихъ поръ не упоминали объ этомъ арестѣ, потому что не знали, какой фамиліей называлъ себя начальству Козловъ.

10 февраля былъ четвертый или пятый обыскъ у оправданного въ процессѣ 193 (теперь студента) Траубенберга: ничего особенного не нашли.

13 февраля на Обводномъ кан., въ д. Полозовой, арестованы рабочіе: Сергій, Петръ и какой-то слесарь съ Варшавской ж. д. Всѣ оказались безъ паспортовъ.

11 февраля, на Забалканскомъ просп. въ д. Синкова арестованы г-жа Богомазъ, оправданная по саратовскому дѣлу.

19 февраля жандармы явились въ квартиру студентки Герценштейнъ и сестры Юшиныхъ (уг. Литейной и Шталманской), размѣшивая г-жу Воскресенскую. Ничего особенного не нашли. Вночій вѣнѣ всѣ онѣ были арестованы на уже описанной памъ вечеринкѣ.

Въ ночи на 25, 26 и 27 февраля, кроме упомянутыхъ памъ въ "Листѣ Земли и Воли", были обыски:

У Прохорова (Петръ, стар., Малый просп., 79, 1) въ 3 ч. ночи. У студентовъ: Садовскаго и Петрова, у студентки Оловянниковой и фельдшерицы Томачевой (Бурштадская 42, 27). У студентовъ: Линскаго, Тарковской и Москальцовой (Петръ, ст., 28 февраля).

При обыскахъ у Гарковскаго произошла такая сцена. Около по уночи раздались звонокъ и стукъ въ двери квартиры. Москальцовъ быстро отворилъ дверь и легъ опять на постель. Жандармы, неожиданно звѣрю нѣсколько секундъ, быстро вошли въ комнату, бросились на студентовъ, лежавшихъ въ постеляхъ, и начали ихъ душить. Во все время обыска ихъ держали за руки, не давая имъ стати, ни пошевелиться... Уходя, жандармы извинились, объясняя, что боялись вооруженного сопротивленія.

Кромѣ того, въ ночь 25—26 февраля были обыски у фельдшерицы общини св. Георгія Альферьевъ, у Хана въ типографіи "Пет. Вѣдъ" (гдѣ поющій рѣзалась до самаго вечера и задержала выходъ № газетъ) и у многихъ другихъ.

Вскорѣ затѣмъ были арестованы артил. офиц. Васильевъ, который въ настоящее время находится въ Петропавловской крѣпости, и студ. (?) Артамоновъ, пришедший на квартиру Острафъена, гдѣ была устроена засада.

3 марта, въ 12 час. ночи, жандармскій и два полиційскихъ офицера явились въ квартиру д. с. с. Головачева въ отсутствіи хозяевъ и начали рыться въ бумагахъ его дочери, г-жи Анаевъ. Причиной появленія жандармовъ была рекомендательная записка, данная Анаевъ нижегородскому гласному Александрову, арестованному въ Нижнемъ, 27 февраля, и заявлявшемъ въ бумагахъ послѣднію. По возвращеніи въ свою квартиру г. Головачевъ засталъ полицію разбросавшую бумаги въ комнатѣ его дочери. На требование прокурорской предписанія жандармы отвѣчали, что по высочайшему повелѣнію отъ 1 сентября 78 г. они имѣютъ право входить въ квартиры и отѣсняться никакими формальностями. При обыскахъ ничего особенного не нашли; поэтому, обойдя другіе комнаты и заглянувъ мѣхомодъ (не входя) въ кабинетъ Головачева, жандармы удалились.

На другой день Головачевъ жаловался министру путей сообщеній, Попситету, въ вѣдомство котораго онъ служитъ, и получивъ отъ послѣднаго письмо къ Дрентельну. Черезъ нѣсколько дней Дрентельнъ, при личномъ разговорѣ съ Головачевымъ, уже извинился передъ нимъ, говоря, что обыскъ былъ не у него (Головачева), а у его дочери, Анаевъ.

Г-жа Анаева, находившаяся въ это время въ Москвѣ, черезъ нѣсколько дней была арестована въ квартирѣ своей тетки, начальницы реальнаго отдѣленія въ Боспітательномъ Домѣ. При обыскахъ въ квартирѣ ничего особенного не нашли. Въ ту же ночь была обыскана и арестована другая тетка Анаевъ, начальница какой-то

*) Эта инженеръ однажды сказалъ своей женѣ, что ёдетъ на нѣсколько дней на желѣзную дорогу; но, вернувшись въ ту же ночь незападно домой, оѣзъ засталъ свою жену въ объятіяхъ губернатора. Сконфуженный губернаторъ, въ халатѣ и туфляхъ инженера, долженъ былъ ёхать домой и цѣлый мѣсяцъ послѣ этого притворялся больнымъ.

частной женской гимназии, старуха 50 летъ. Какъ Анаева, такъ и тетка вскорѣ были выпущены.

Всѣдѣ затѣмъ въ Петербургѣ было еще нѣсколько арестовъ и обысковъ. Ихъ чило за послѣднее время доходило до 200. Какъ отвѣтъ на эти преслѣдованія и на избрѣтство Дрентельна въ крѣпости, было покушеніе на его жизнь 13 марта...

Приведемъ нѣкоторыя подробности этого события, не вошедшія по той или другой причинѣ въ легальныя газеты.

13 марта, въ 1 часу по полуночи, Дрентельнъ отправился во дво-рец не по Фонтанкѣ, какъ обыкновенно, а по Лебяжьему шоссе. Замѣтилъ эту перемѣну маршрута, верховой революционеръ, под-жидавшій его на бульварѣ, у Инженерного замка, поскакалъ къ Цѣльному мосту, но мчавшаяся во весь духъ карета, въ которойѣхъ Дрентельнъ, уже опередила его... Всадникъ принесъ лошади и поскакалъ въ доноку. Замѣтилъ это, бѣхавшій по обыкновенію за Дрентельномъ шпонъ схватилъ своего извозчика за чубку и, не зная что дѣлать, началъ дергать его за одежду, крича: «скорѣ! скорѣ! скорѣ!». Но не смотря на всѣ усилия извозчика, неистово бившаго свою лошадь, разсогнивъ между ними и быстро начавшей каретой Дрентельна почти не умѣшалось. Извозчикъ попался шпону по-видимому не особенно хороши.

Этимъ временемъ всадникъ догналъ карету на другой сторонѣ Марсова поля и, обгоняя, сначала заглянулъ въ окно, а потомъ, давъ каретѣ поронаясь съ собой, пріщиромъ лошади и, оглохнувъ немножко въ сторону, выстрѣлилъ въ Дрентельна. Пуля пробила оба окна кареты. Кучеръ вскрикнулъ и, думая, что лопнула рессора, придержъ лошадей... Желая сѣдѣть новымъ выстрѣль, всадникъ нѣсколько разъ пощипалъ руку, но революціеръ не дѣйствовалъ.... Какъ оказалось позѣ, при сотрясѣніи революціера отъ выстрѣла, слѣдующая пуля вышла немножко изъ барабана и, задѣявъ при по-вторѣ его, за стволъ, мнѣшила барабану вертѣться.

Всадникъ пріщиромъ лошади и поскакалъ впередъ къ мосту на Лебяжьемъ капатѣ. Здѣсь на узкомъ и крутомъ поворотѣ его лошадь наскочила на проѣзжавшую поперекъ дороги извозчику, пролетку, гдѣ сидѣла какая-то дама. Всадникъ осадилъ лошадь, но она отъ быстрыхъ бѣгъ не успѣла остановиться и ударилась въ край пролетки; пролетка покачнулась, дама произительно взвизгнула, а стоявшій неподалеку городовой бросился схватить лошадь революціонара за узды, но въ адѣнѣ отбилъ его ловкимъ удромъ по головѣ и поскакалъ далѣе черезъ Прачечный мостъ къ Воскресенскому, гдѣ лошадь его покозынулась и упала, и онъ уѣхалъ на стоявшемъ вблизи извозчикѣ.

Но, несмотря на покушеніе, обыски и аресты не прекращались, напротивъ, они достигли нѣбывалыхъ размѣровъ; но, какъ видется въ подобныхъ случаяхъ, почти въѣдѣніе неизвѣданныхъ изъ всего огро-мнаго числа арестованныхъ въ слѣдующую ночь не было ни одного серьезно спомирантованаго человѣка. Жандармы металась по городу похожіе ѿ безъ всякаго тоаку. Обысками, напр., на Захарьевской весь домъ № 9, къ которому, по показанію извозчика, поѣхалъ покушавшій.

Всѣ фамиліи нѣкоторыхъ изъ арестованныхъ постѣ 13-го марта; 1-2) Ольга Горенкина и Минина, калининскія студентки (4 рота ізв. пол.), живущія въ одной комнатѣ. Всѣ покушительные подробности этого ареста. Въ 3 час. ночи, когда уже обѣ дѣушки спали въ своихъ постеляхъ, жандармы ворвались въ ихъ незапертую комнату, схватили сонныхъ за руки и, не давъ имъ въѣсться, ни шевельнуться, обыскали обѣихъ въ кроватяхъ. Во все продолженіе обыска ихъ держали за руки солдаты. Потомъ, заставивъ обѣихъ одѣться при себѣ, поплыли увезти ихъ. 3) Буцевичъ, плѣмянникъ жены Зурова; у него нашли 4 № «Земли и Воля» и нѣсколько географическихъ изданий, которыхъ отобрали. Въ настоящее время онъ въ Литовскомъ замкѣ. 4-5) Литоменко, студентъ-медикъ; арестованъ 14 мар., въ 7 час. утра; въ засаду, устроенную на его квартире, кто-то попался. 6) Орловъ. 7) Коршуновъ, студентъ университета. 8) Быховскій. 9) Сахаронъ, студентъ-математикъ 1-го курса; перевѣденъ въ Лит. зам. 10) Студентъ Наркевичъ. 11) Эле, студентъ 3-го курса. 12) Шумицъ, студентъ-юристъ, сынъ бывшаго начальника ІІІ Отд. 13-14) Акимовъ, юристъ 1-го курса, и его отецъ, биржевой игрокъ, который жалуется, что изъ за ареста онъ каждый день теряетъ по 200 р. 15) Долгополовъ, студентъ-медикъ. 16) Протопоповъ, студентъ-медикъ. 17) Косичъ, калининская акушерка. 18) Ковалевский, учитель; ужѣ освобожденъ. 19) Красина, калининская акушерка. 20-22) Шунце, студентъ на его квартире взятые еще 12 человѣкъ, въ томъ числѣ Александръ Кривенко, служившій на заводѣ, который по этому поводу закрытъ, и Людмила Николаевна Кривенко, жена литератора. 23) Юзефовичъ, студентъ. 24) Буговскій, у которого налили какую-то прокламацію, въ 35-36) Фетисовъ съ женой. Бутонскій и Фетисовъ состояли при типографіи, купленной Нестеровымъ для газеты «Сибирь». Посѣдѣ ихъ ареста типографія была немедленно закрыта; Нестеровъ побѣхалъ къ Зуро-ву съ просьбой обѣ открытий еї ины, но получилъ отвѣтъ: «Вы держите при типографіи-такихъ людей, отъ которыхъ можно всего ждать; поэтому до конца дознанія не могу освободить типографію».

У Лесевича, въ квартирѣ котораго до сихъ поръ находится засада, арестовали: студента Соломина, плѣмянницу Лесевича и едва не

захватили проф. мед. акад. доктора Прусака, прѣхавшаго лечить дѣтей; но доктору удалось благополучно выбраться.

Кромѣ вышеописанныхъ на 14 марта было еще множество арестовъ; число ихъ доходило до 200.

Въ это же время были обыски: у ротнаго командаира кронштадтскаго артиллерийскаго батальона, Суворова, и вольноопредѣляющагося Вершикова. Причиной обыска было знакомство съ арестованнѣмъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ офицеромъ Васильевымъ.

У артиллериста генеральшаго штаба Дуда искаго также былъ обыскъ. Причиной было знакомство его съ арестованнѣмъ 25 февраля Надѣнинымъ.

Съ 14 числа единичные обыски и аресты не прекращались вплоть до 20 марта. Въ ночь на это число арестованы, какъ говорятъ, по причинѣ знакомства съ разыскиваемымъ полицею Мирскимъ и съ арестованною 20-го же марта Еленою Кестельманъ: Абадеевъ, студентъ технологического института; Шиманскій и Бачинскій, студенты-медики; Фрессеръ; Попова, медицинская студентка; Рубинскій, студент-мѣдикъ; Златогорская, медицинская слушательница; Трахманъ; Левенсонъ и бывшій прокуроръ Павловъ-Сильванскій.

Къ г. Сильванскому въ срединѣ ночи, когда все семейство уже спало, ворвалась цѣлая толпа жандармовъ. Жандармы, уставши обыскивать, расположились спать на постеляхъ квартирантовъ и все время обращались съ ними самымъ возмутительнымъ образомъ. Помѣстье Сильванскаго по поводу возмутительного поведенія жандармовъ, Дрентельнъ отвѣчалъ, что обыскъ у него былъ сѣдѣть по ошибкѣ, что хотѣлъ обыскать другого Сильванскаго, но случайно попали не въ ту квартиру.

Все это оказалось совершенной ложью, такъ какъ при обыске Сильванскому было показано предписаніе, въ которомъ значилось го значіе, имя и отчество.

21, 22 и 23 марта было нѣсколько единичныхъ обысковъ и арестовъ.

Въ ночь на 25 марта въ Литовской зам. съ четырехъ часовъ по полуночи до 7 утра было привезено до 70 чел. иныхъ арестованныхъ. Большая часть ихъ были рабочіе, между которыми находился о инъ старикъ лѣтъ 70. Говорятъ у многихъ изъ нихъ были найдены револьверы.

Намъ остается закончить настоящее обозрѣніе арестовъ тѣми же словами, которыми мы закончили одну изъ предшествовавшихъ: «Чѣмъ же памъ отѣйтъ, товарищи, на всѣ эти преслѣдованія?»

На 30 апреля, въ станицѣ Урюпинской Земли Войска Донского, назначено къ слушанію въ настѣ съ участіемъ сословныхъ представителей, по обвиненію въ пропагандѣ въ Ново-Хоперскомъ уѣзде Воронежской губерніи и въ Хоперскомъ округѣ З. В. Д., дѣло о съѣдующихъ семи лицахъ: Василій и Любовь Зубриловыхъ, Мозговой, Дубравинъ, Мурановъ — по 250 и 251 (пропаганда) и 245 (хула на бога и его угодниковъ) ст. Ул. о пак., о Михаилѣ и Павловѣ Зубриловыхъ — по 2-й части 250 ст. Василій и Любовь Зубриловы и Мозговой обвиняются кромѣ того по 177, 246, 285 ст. (т. е. иноненіе бога и пара). А Мозговой сверхъ того обвиняется въ оскорблѣніи дѣйствіемъ должностнаго лица при исполненіи имъ своихъ обязанностей.

Закончимъ настоящую хронику отраднымъ извѣстіемъ:

Въ концѣ марта бѣжалъ изъ Кени (Арханг. губ.) Иванова, осужденная по процессу 193-хъ. Это уже не первый примѣръ побѣга женщины-революціонерки изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ ссылки. Первый починалъ въ этомъ дѣлѣ приналожилъ осужденной и сосланной на поселеніе въ Ялуторовскъ (Тобольск. губ.) Ольга Спиридоновна Любатовичъ, бѣжалъ изъ мѣста поселенія въ августѣ 78 г.

13 апрѣля.

Что дѣлается въ Петербургѣ? Одинъ только всевѣщій и вездѣсущій Господь могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ въ подробнѣстяхъ и съ точными перечисленіемъ всѣхъ обысканныхъ и забранныхъ. Обыски и аресты — о нихъ только и слышали. Навѣрное ни одно правительство учрежденіе не было бы въ состояніи подвести эти счеты и, по примѣру блахенніи памяти Ивана Грознаго, приуждено было бы поставить на сунодѣтъ своихъ жертвъ: «и иные, имена же ихъ Ты, Господи, вѣси», если бы только современное варварство способно было хоть на минуту каляться въ грѣхахъ, какъ калялось варварство временъ Грознаго.

2 апрѣля перенесло правительство и ему вездѣ мерещится бунтъ. Въ самый день покушенія Николай Николаевичъ, по слухамъ, лично предупреждалъ солдатъ о готовящемся, якобы, бунтѣ и заставилъ ихъ искать часы простоять въ переулкахъ и дворахъ, окружающихъ Казанскій соборъ, гдѣ царь въ это время слушалъ благодарственное молебствіе. 7 апрѣля вечеромъ на литеиномъ отѣлѣніи патроннаго завода поставлена была рота саперовъ, потому что правительство ожидало тамъ какаго-то взрыва. Ожидало оно также нападенія на III Отдѣленіе, всѣдѣстіе чего тамъ, въ Соляномъ Городѣ, съ 7 на 8 число тоже были поставлены 2 роты павловцевъ. Были также слухи о какомъ-то бунтѣ во флотскомъ экипажѣ у Потѣхинскаго моста; туда посыпались даже 2 роты солдатъ для усмирѣнія. Словомъ — вездѣ бунтъ.

*) № 1 „Листок Земли и Воля“.

Правительство, видимо, теряет под ногами всякую почву и хорошо это чувствует. По слухам, царь, принимая депутатию дворянин, был крайне взбодривающим, быстро ходил по комнате, ерзая волосы и въ несвязанныхъ фразахъ учреждалъ дворянство: "привяжитесь, мы ради этому происшествию, оно вамъ на руку". Это—только слухъ, который мы считаем даже недостовѣрнымъ, но онъ характеризуетъ настроение общества. Равнодушіе, съ которыемъ Петербургъ отнесся къ судьбѣ царя, холода, изъсупия опаски; молчание толпы при проездѣ царя (что было на каждомъ шагу) уже и сами же себѣ могли бы встревожить правительство; но были факты и рѣчи. При отѣздѣ царя, напр., (12 числа) въ одномъ зѣть на Невскомъ, изъ толпы, собравшейся поглядѣть на царя, раздались смѣкѣ; полиція спросила въ туину — и никого не нашла. Точно также публика помѣщала поиски въ Александровскій театръ арестовать какаго-то военного, не желавшаго явиться при исполненіи народного гимна; точно такое же отношеніе публики явилось и въ аѣсколикахъ другихъ слушающихъ, опубликованіе которыхъ было бы не совсѣмъ удобно. Вообще настроение петербургскаго населения очень способно встрѣчать правительство. Правда, разные вѣроподданнические адресы не замедляли явиться на сцену, но правительство знаетъ пѣвъ цѣну лучше, чѣмъ кто-бы то ни было.

Началась мѣронрітія. Разумѣется, они представляютъ лишь разлитіе принципа "тащить и не пуштать", единственного принципа, доступнаго наимѣнѣю арханческому "государственнымъ людямъ". Булоническое міросозерцаніе вѣлько въ нихъ, очевидно, неизгладимо. Если царь отъ прѣставителей городскаго муниципалитета не могъ ничего иного потребовать, какъ надзоръ за дворниками и жильцами, то и въ сферѣ общихъ мѣронрітій правительство не додумалось прѣдоѣтъ усиленнаго гнета: нужно подтянуть печати, нужно чѣмъ не иоголовно обискать Петербургъ, установить позицію и установить военное положеніе.

Вѣс эти реформы "великаго освободителя" пока еще разыѣтаются только. Гурко не ознакомилъ себѣ еще ничѣмъ, кроме "обязательныхъ постановленій" насчетъ все тѣхъ-же нечастныхъ дворниковъ, насчетъ продажи и храненія у себя оружія. Будетъ ли онъ обращаться со своими соотечественниками такъ, какъ по-военному поступаютъ съ турецкими башнбузуками — это мы еще увидимъ. Новальный обмыкъ Петербурга тоже находится еще въ проѣктѣ. Пока производится только поѣзда паспорта. Всѣ участки заполнены работой; въ злосчастной же адресной экспедиціи чиновники постинѣ достойны мученическаго юбца: трѣмъ-четыремъ человѣкамъ приходится въ день визирять съмѣнѣ тысячи паспортовъ. Рабочій людъ, которому дорога каждая минута, долженъ по 2—3 дня ожидать выдачи паспорта. Общее мученіе, общая рутиня со тѣмъ, что пакамѣсть главный результатъ поѣзки, если не считать еще высылки изъ Петербурга двухсотъ человѣкъ бѣзпаспортныхъ. Преобразованіе по части дворниковъ приводится уже къ концу, и теперь мы можемъ видѣть у каждого воротъ дворникова, зѣающихихъ, и ногъ спящихъ и не знающихъ, какъ убить время.

Теперь же имѣется создать дворниковъ и въ органахъ печати. Здѣсь очень много толковали о знаменитой аудіенціи редакторовъ журналовъ и газетъ у Макова. Собралась онъ (не всѣ однако) по приглашенію Макова, который и обратился къ нимъ съ рѣчью. "Правительство, говорилъ онъ, очень хорошо понимаетъ, какую силу составляеть пресса и какъ много она можетъ сдѣлать для общественаго развитія. Но такие результаты достигаются только при единомыслии между прессой и правительствомъ. А потому, моль, правительство теперь боѣше всего желаетъ полной откровенности, чтобы знать наконецъ, кто ему другъ и кто врагъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ быть упомянуты четыре органа. Во первыхъ, "Русская Правда"—органъ несомнѣнно антиправительственный; во вторыхъ, "Недѣля", которая доказала ясно, что никакія мѣры не могутъ ее направить на истиннѣй путь, и потому — "мѣнѣ остается только" — сказалъ его высокопреосвѣдѣтельство — "перенести мѣры взысканія съ органа на личность его редактора; въ третьихъ, "Русскій Миръ", который сидитъ теперь безъ редактора, и я могу уѣхать, что онъ еще долго не дождется утвержденія нового редактора". Въ четвертыхъ...".

Присутствующіе при этомъ циничномъ объясненіи переглянулись; кто-то будешь четвертый: "Отечественный Записки"? "Моя"?..

— Въ четвертыхъ, продолжалъ министръ, — это "Голосъ"...

Г-нъ Бильбасовъ окаменѣлъ. Какъ? — онъ, который только что, въ это самыи день, настроилъ холопскій-вѣроподданническую передовую статью, — онъ неблагонамѣренный!! О! господи!

— Г. Бильбасовъ, продолжалъ министръ, представляетъ для меня непонятное явленіе. Я заявлялъ гг. редакторамъ, что мой кабинетъ всегда къ ихъ услугамъ, для въозможныхъ совѣщаній. Г-нъ Бильбасовъ былъ единственнымъ человѣкомъ, который воспользовался моимъ предложеніемъ: онъ дѣйствительно приносилъ мнѣ на просмотръ свои передовыя статьи и мы часто выѣзжали исправляли ихъ. Но что-же? Вѣрху газетъ у него дѣйствительно статья, которую мы вмѣстѣ исправляли, а внизу — смотрѣши какая ипуть "эрза". Помните, г. Бильбасовъ, вы во времена процесса Засуличъ объявили что въ Россіи начинается новая эра? Я долженъ вамъ заявить, что эра эта сегодня кончилась. Прійтите это къ свѣдѣнію. Да вѣтъ вами пріѣхѣ — ваша сегодняшняя статья...

Г. Бильбасовъ не выдержалъ, и осмѣялся почтительнѣйше заявить свое недоумѣніе: чѣмъ могла навлечь на него неудовольствіе правительства настолюща статія "Голоса". И дѣйствительно было чѣмъ поразиться: это — былъ № 13 марта, гдѣ "Голосъ" просто расчищается въ вѣроподданническихъ чувствахъ.

— И вы еще спрашиваете? Неужели вы не могли найти лучшаго отзыва въ иностранной прессѣ, чѣмъ въ органѣ Гамбетты?.. Вы оправдываете цареубийство. Вы говорите, что покушеніе было безмолено. Ну, а если бы оно было полезно? Такъ значитъ нашему тогда его стѣдовало оправдать? Потрудитесь вѣроходительство, обратился Маковъ къ Григорьеву, сдѣлать распоряженіе о третиѣмъ предстороженіи газетъ "Голосъ" съ пріостановкой его на 6 мѣсяцевъ..."

Эта до смѣшина нѣжная сцена была прервана вѣшательствомъ Комарона. Онъ обратился къ министру съ прошениемъ якобы отъ русской прессы о томъ, чтобы государь благоволилъ принять представителей прессы, для выраженія вѣроподданническихъ чувствъ. Пронесщіа по этому поводу ссора Салтыкова съ Комаровымъ (не касающаяся этихъ франдерскихъ мелочей) заставила Макова удалиться; Бильбасовъ поднялся къ нему и наѣздили уладилъ дѣло. Но его словамъ Маковъ взялъ назадъ свое распоряженіе на счетъ пріостановки "Голоса", потому что злостная фраза изъ газ. "Франц. Респ." оказалась заимствованной изъ телеграммъ напечатанныхъ въ самой "Прав. Вѣсти".

"Помните, г. Бильбасовъ, что еще малѣйший безтактный поступокъ — и "Голосъ" погибъ!" — заключилъ Маковъ свою конференцію.

Интересно въ какихъ словахъ г. Бильбасовъ станетъ теперь увѣрять Россію, что "великий государь" освободилъ науку и печать.

Въ общей сложности дѣятельность правительства сводится только къ стягиванию силь. Громы и молніи готовы разразиться надъ прессой, надъ обществомъ, надъ Питеромъ, — но компанія еще не открылась. Городские слухи утверждаютъ, что она должна начаться съ отѣзжаніемъ царя. Царь уѣхалъ. Посмотримъ, значить.

Нынче Дубровинъ приговоренъ къ побѣщенію. Можетъ быть съ него начнется расправа...

Мелкие, агентскіе такъ сказать, дѣйствія — обыскіи — уже начались, и обысковъ каждую ночь производятся масса. Мы упомянемъ лишь о немногихъ. Обыскивали типографію Бельта, где и арестовали кого-то (5 апр.); былъ обыскъ въ Лѣсномъ Институтѣ, у Кравчинского (брата изѣбнаго эмигранта), служащаго при Институтѣ и имѣвшаго находящагося за границей; былъ обыскъ у присяжнаго новѣренаго Корсакова (Кирочна, 3, 23); былъ обыскъ у прис. новѣр. Ал. Черкесова; у купца Елисеева; у капитана Румянцева (Мал. Итал. 47), командира учебной артил. бригады, по поводу чего былъ обыскъ также и въ 1 и 2 ротахъ этой бригады. Арестованъ профессоръ Фламининъ и его братъ, арестованъ присяжнаго покрѣпленный Алекс. Ольхинъ. Былъ обыскъ у инспектора нар. учен. Спб. губ. Влад. Семеко; у с. с. Синовскаго, издателя "Женскаго Образованія" и инспектора одной изъ женскихъ гимназій. Ходятъ слухи объ арестѣ Синовскаго. — Сласова, объ арестѣ которого мы уже упоминали, обвиняютъ въ пристанодержательствѣ по отношенію къ Соловьеву; знакомыхъ этого постѣднаго вообще разыскиваютъ; 6 апр. было взято щѣкто Шульгинъ, когда-то жившій съ имъ.

Отлагаемъ болѣе подробный отчетъ объ арестахъ, обыскахъ и мѣропріятіяхъ до слѣдующаго раза.

ИЗБІЧЕНІЯ. Получено: отъ И-скихъ гимназистовъ въ пользу рабочихъ, борющихся противъ своихъ эксплуататоровъ — 55 р.; въ пользу рабочихъ, выстрадавшихъ въ этой борьбѣ — 40 р.; отъ кружка гимназистовъ М — 20 р.; отъ кружка польскихъ соціалистовъ кружку бунтарей — 100 р.; изъ города В: отъ Х. Я. М. — 15 р., отъ М. — 10 р.; изъ Зеленаго Острова отъ Бридидика — 6 р.; отъ Л. Р. Д. для потерѣвшихъ — 60 р.; отъ С. черезъ К. въ пользу "Семи и Воли" — 25 р.; отъ И. С-а — 10 р. 25 к.; отъ офицера Конвой Его Императорскаго Величества — 10 р.; отъ Л. К. И. для побѣговъ — 3 р.; отъ Ю. И. У. — 20 р.; для сельскихъ — 37 р. 50 к.; отъ сѣльческихъ въ пользу В. З. — 18 р.

Отъ издателей. Слѣдующій № "Земли и Воли" будетъ выпущенъ въ концѣ лѣта.

СОДЕРЖАНІЕ. — Законъ экономического развитія общества и задачи соціализма въ Россіи. — **Фельетонъ.** Протестующіе типы народа. — **Стихотвореніе Некрасова.** — **Одеса во время суда надъ Ковалевскимъ.** III. — **Колыбельная пѣсня** (Стих.). — **Голуби** (Стих.). — **Правительственные документы.** — **По поводу газетныхъ статей.** — **Надъ границы.** — **Письмо въ редакцію отъ рабочихъ "Сѣвернаго Союза".** — **Замѣтка по поводу государственної росписи на 1879 г.** — **Отголоски 2-го агрѣля.** — **Наши домашнія дѣла.** — **Извѣщенія.** — **Отъ издателей.**

Неч. въ "Петербургской Вольной Типографіи" 16 апрѣля 1879